

Протокол № 1

О «незримом колледже» и биографических интервью

(Из переписки Б. Докторова, Д. Шалина, Л. Козловой, А. Алексеева, Н. Мазлумяновой, Р. Ленчовского, а также Э. Беляева, Л. Борусяк, Б. Вульфовича, В. Шляпентоха, О. Маховской. Июль-август 2011)

От редактора-протоколиста

Ниже – материалы групповой переписки (дискуссии) по электронной почте на определенную тему (см. название), упорядоченные в хронологическом порядке. Все тексты публикуются с согласия авторов.

Инициатором и шеф-редактором (не модератором!) данной дискуссии является **Борис Докторов.**

Андр. Алексеев. 5.09.2011

Содержание:

- I. Образует ли мы «незримый колледж»? (отметины 1 - 9)
- II. О типах биографических интервью (10 – 21)
- III. Предмет дискуссии расширяется... и углубляется (22 – 39)
- IV. Разные темы слились в одну (40 – 42)
- V. Новое обогащение разговора (43 – 49)
- VI. Наш круг все шире (50 - 53)
- VII. О доверии к рассказам о себе (54 – 56)
- VIII. Взгляд жесткого оппонента (57 - 59)
- IX. И снова критика. Взгляд проницательного дилетанта (60 – 61)
- X. Биографический метод - не только у социологов (62 – 67)
- XI. Колледж - виртуальный? Нет, реальный! (68 – 81)
- XII. «Незримый колледж» вкалывает в три смены (82 – 88)
- XIII. Предварительные итоги. Продолжение следует (89)

I. Образуют ли мы «незримый колледж»?

Отметина И. Б. Докторов – Л. Козловой, А. Алексееву, Д. Шалину

15.07.2011

Дорогие Лариса, Андрей и Дима,
сейчас я пытаюсь написать статью для "[Телескоп](#)" в связи с двойным юбилеем моей исторической рубрики («*Современная история российской социологии*». – А. А.): ее семилетие и 40 выпусков подряд.. хочу кое-что просуммировать из истории развития рубрики и из выводов, полученных на основе собранного материала и разрабатываемой методологии историко-социологического анализа на базе биографических интервью. Работа идет сложно. Во-первых, отвлекаюсь на «Обаму», не могу не отвлекаться... хочу написать вторую книгу, а ситуация в экономике США очень-очень сложная.. к тому же – лето, у девочки каникулы, но не у меня.. но самое проблемное, естественно, в содержании задуманной статьи..

Так вот, одно из моих наблюдений, которым я хочу поделиться с вами..

Мне кажется, что благодаря рубрике (я не хочу сказать, «вокруг нее») сложился сильный незримый колледж специалистов, независимо друг от друга, но в какой-то степени прислушивающихся друг к другу, разрабатывающих методологию изучения биографий и методы использования биографической информации в историко-социологических исследованиях.. прежде всего я имею в виду: Андрея Алексеева (и Романа Ленчовского), Диму Шалина, Ларису Козлову и себя... пару лет назад активным было участие Наташи Мазлумяновой. Если говорить о людях, поддерживающих в разных формах нашу активность, то это, конечно же: М. Илле, Б. Фирсов, Ф. Шереги и В. Ядов. Добрыми словами вспоминаю недавно ушедшего от нас И. Кона.

Следует признать, что наш колледж – международный (Россия, США и Украина).

Наше образование – многопоколенное, я имею в виду социологические поколения.

Вместе с тем, в моем представлении наш колледж – продолжение «Ленинградской социологической школы». Алексеев, Шалин и я – прямые представители этого научно-этического образования. Научные взгляды Ларисы Козловой, формировались под влиянием Геннадия Батыгина (близкого к социологам-ленинградцам) и, думается, Ядова. Она – тоже «наш человек».

Так получилось, что вместе мы обладаем пространством двух журналов ("[СЖ](#)" и "[Телескоп](#)") и сайтом «[Международная биографическая инициатива](#)» (МБИ). Отчасти это (через Наташу Демину) – также сайт "[Полит.ру](#)" и газета "[Троицкий вариант. Наука](#)". Сейчас, при поддержке Шереги, создается еще один сайт. Мне трудно сказать, какие еще неформальные академические образования обладают столь богатыми возможностями для распространения своих результатов.

Колледж начал складываться в середине «нулевых», так что у нас уже солидная общая история.

За эти годы нами сделано немало. Во-первых, я сюда отношу все, что опубликовано в рубрике «История современной российской социологии», это 100 различного рода текстов. Во-вторых, большое число материалов (биографии, статьи, комменты) на сайте МБИ. В третьих, биографии социологов и даже целые подборки материалов в "[СЖ](#)". Далее – около полудюжины статей в закрывшемся журнале "[Социальная реальность](#)". Отмечу и материалы Шалина по био-критическому анализу, которые расположены на его сайте, но за пределами страницы МБИ.

Четыре книги моей «гэллпаиды», четыре тома «Профессия – социолог!», книга Шалина “Pragmatism & Democracy”, сборники, выпущенные Козловой по Батыгинским чтениям - это тоже наше общее «завоевание».

Наши взгляды на методологию биографического анализа различны, мы используем разные приемы сбора данных, у нас не тождественные представления о процессе возникновения современной российской социологии, но у нас есть общее. Во-первых, это – понимание необходимости изучения прошлого и широкая интерпретация понятия «свременность». Во-вторых, акцентирование роли человека (социолога) в процессе становления и развития российской социологии. В-третьих, стремление к саморефлексии.

Я пока затрудняюсь в названии нашего незримого (но, мне кажется, осязаемого) колледжа и в обозначении материи, цементирующей наше со-трудничество, но мне кажется, что все это есть..

..хотел бы познакомиться с вашими комментариями и добавлениями..

Всем всего наилучшего, Боря

**

Отметина 2. Д. Шалин – Б. Докторову. Копии: А. Алексеву, Л. Козловой

16.07.2011

Добрый день, Боря.

Да, действительно, колледж. Не то, чтобы совсем незримый и виртуальный, но заочный, сетевой, многоплановый, и не во всем предсказуемый. Участники его разделяют интерес к авто-био-графо-критико-историческим исследованиям, причем каждый следует своим путем, тяготеет к специфическим методам.

Не знаю, восходят ли наши интересы к определенной школе, Ленинградской или еще какой-то. Тут мне видится скорее общность поколения и опыта, сопричастность исторической травме, и, не смотря на все индивидуальные различия участников, настроенность на некий общий аффективно-этический камертон. Хотя тут возможны разночтения.

И что же теперь, ты спрашиваешь? Не знаю, как-то этим вопросом не задавался. Рад слышать, что ты занялся подведением предварительных итогов. Пиши. Мы будем читать и вдохновляться. А там посмотрим.

С самыми добрыми чувствами,

Дима

**

Отметина 3. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину, Л. Козловой

16.07.2011

Рефлексия Бориса и комментарий Димы, на мой взгляд, вполне адекватно характеризуют реальность, которую можно назвать "социогуманитарным незримым колледжем". В нем, по крайней мере, два факультета: "современная история российской социологии" и "международная биографическая инициатива", и я бы добавил третий: "биография, социология и история". Черты общности и различий в этой неформальной институции достаточно уравновешены. Что способствует жизнеспособности.

Андр. Ал.

**

Отметина 4. Б. Докторов – Д. Шалину

16.07.2011

Дима, если в моем письме и был вопрос, то риторический.. просто мне захотелось констатировать существование нашего небольшого сообщества.. относительно общности поколения, но я специально заметил, что, если все брать вместе, с нашими консультантами, то мы – из разных социальных и собственно социологических генераций.. но твои глубокие связи с Игорем Коном, мои – с Борисом Фирсовым, Андреем Алексеевым и в последние годы с Володей Ядовым.. конечно, не случайны.. возможно, в какой-то степени то, что я назвал Ленинградскую социологическую школу «научно-этическим образованием», ты обозначаешь как «некий общий аффективно-этический камертон».. ясно, что некое поле есть.. самолучшего, Боря

**

Отметина 5. Б. Докторов – А. Алексееву. Копия – Д. Шалину, Л. Козловой

16.07.2011

Андрей, я только вчера наткнулся на тему колледжа, но интуиция подсказывает, что в этой теме еще можно будет «покопаться».. мне не кажется, что наше образование – в современных условиях явление частое.. но, наверное, и не уникальное.. хотя, для российской социологии – возможно.. Лариса занималась научными командами.. может она еще что прокомментирует..

Я не заметил, что Дима, разослал свой коммент всем, потому – исправляюсь, ниже - мой ему ответ. (См. выше). Боря

**

Отметина 6. Л. Козлова – Б. Докторову

17 июля 2011 г.

Боря,

я только что приехала домой и поэтому отвечаю с опозданием.

Я независимо от тебя уже думала, что связи, которые сложились между перечисленными тобой людьми, вполне можно назвать "незримым колледжем". По крайней мере, научной сетью (для колледжа, возможно, маловато участников, а также не хватает однородности точек зрения и т. п., но «единый камертон» точно есть). Эти связи сложились вокруг тем по истории российской социологии и биографических исследований социологии. Другой похожей «институции», в нашей науке, кажется, нет.

О себе я могу сказать определенно, что фактически вся моя коммуникация по поводу названных тем проходит внутри этого "колледжа". Может быть, у кого-то из его участников есть схожее ощущение. Но я никогда не связывала себя с "ленинградской школой".

**

Отметина 7. Б. Докторов – А. Алексееву, Д. Шалину

17.07.2011

Дорогие Андрей и Дима, вот и мнение Ларисы.. (См. выше). Оно для нас особо ценно, так как она исследовала научные структуры и знает много лучше нас, что есть в российской социологии и чего нет.. всем желаю всего наилучшего.. Боря

**

Отметина 8. А. Алексеев – Б. Докторову, Л. Козловой, Д. Шалину

17.07.2011

Я думаю, Лариса внесла важное уточнение. Действительно, научная сеть, при активном сотрудничестве, в основном - в форме обмена мнениями и взаиморецензировании, редко - соавторстве, для чего нужна все же БОльшая степень интегрированности. Тут же - общность предметов превалирует над близостью подходов.

Я бы не акцентировал и принадлежность к какой-либо "научной школе", равно как и "аффективно-этический камертон". "Во-первых, это – понимание необходимости изучения прошлого и широкая интерпретация понятия «современность». Во-вторых, акцентирование роли человека (социолога) в процессе становления и развития российской социологии. В-третьих, стремление к саморефлексии (Б. Докторов)" - это да. Но и достаточно.

Всем - приветы. Андр. Алексеев.

**

Отметина 9. Б. Докторов – Л. Козловой, А. Алексееву, Д. Шалину

17.07.2011

Дорогие Лариса, Андрей и Дима:

даже если мое спонтанное замечание относительно существования нашего незримого колледжа, или зримой сети, окажется лишь поводом для обмена мнений, то это уже прекрасно. Но если у кого возникнут произвольно или в силу иных обстоятельств какие-либо соображения относительно всего нами сказанного в эти несколько дней, давайте продолжим обсуждение.. всем наилучшего, Боря

**

II. О типах биографических интервью

Отметина 10. Б. Докторов – Д. Шалину

17 июля 2011 г.

Дима, приветствую...

я продолжаю работать над статьей по исторической рубрике в «Телескопе».. есть один вопрос.. я называю интервью, проведенные мною, «биографическими».. как ты называешь твои интервью? В журнале были твои интервью с Галиной Старовойтовой, с Валерием Голофастом и..., с Андреем Алексеевым и.. Боря

**

Отметина 11. Д.Шалин - Б.Докторову

17 июля 2011 г.

Greetings Boria:

The term “conversations” better describes the format of my exchanges, as I prefer dialogue or mutual interviewing where each side has a chance to raise questions. You can see how I structure my conversations along these lines in my exchanges with Grushin, Kartseva, Kon, Beliaev, Starovoitova, Alekseev, Golofast, Saganenko, Sheinis, Nazimova, Rabbot, Seliunin, Chudakova, and to a lesser extent with Levada, Gudkov, and Levinson where the time pressure made it difficult to conduct a conversation.

In my conversations about Goffman I use the format of “interview” where I start with conversation/interview and then flesh out the transcript in a memoir fashion. When the sequence of stages is reversed, we have “memoview.”

So, the formats and techniques are many: a face-to-face interview recorded by the interviewer, an email interview, a conversation-dialogue, an interview, a memoview. Each has its own strengths and weaknesses, as I argue in a few papers (e.g., in my biocritical notes on Levada).

All best, Dima

**

Отметина 12. Б. Докторов – Д. Шалину

17 июля 2011 г.

Дима, я принимаю твое объяснение твоей методологии-технологии.. хотя пока затрудняюсь в точном переводе терминов “interview” и “memoview.” А как бы ты очертил предметно, содержательно (не описательными предложениями, а одним-двумя прилагательным(и)?) предметную направленность бесед с Галиной [Саганенко], Валерием [Голофастом] и Андреем [Алексеевым]? Они ведь априори не локализируются на биографиях.. более того, они исходно наведены на внешние значимые события.. может «лично-событийными»? или «событийно-личностными»? Боря

**

Отметина 13. Д. Шалин - Б. Докторову

17 июля 2011 г.

Boria,

The public events mentioned in my interviews have a personal dimension for those participating in the conversation. And vice versa, the parties involved frame their personal victories and defeats in public terms, relate their experiences to the meaning matrix defining the time. So, the biographical and the historical are inexorably intertwined. The story of Andrey's party membership is personal, biographical, just as it is historical. The one cannot be understood without the other, or so it seems to me.

Best, Dima

**

Отметина 14. Б.Докторов – Д.Шалину

17 июля 2011 г.

Дима, хочется еще немного уточнить.. хотя в том, тексте, который я готовлю, все это может и не найти широкого описания..

...насколько я понимаю, любые интервью, в которых респондент рассказывает о себе, о виденном и продуманном, являются «personal, biographical, just as it is historical». Биографические, они умолчанию, личностные – безусловно (в них – рефлексия, саморефлексия), исторические, так как они неразрывны от всего социального. В этом отношении наши интервью неразличимы.

Отвлечемся от того, что у тебя под магнитофон и с твоим присутствием, а мои – по почте и без моего физического присутствия. Отвлечемся от таких важных моментов, как твое стремление сохранить всю звуковую реальность (паузы, хмыканье, шумы..) и моей установки на (во всяком случае) стилистическое редактирование..

верно ли тогда говорить о том, что мои интервью БОЛЕЕ фокусированы на обсуждении всей жизненной траектории человека и даже его пред-биографии, тогда как твои – БОЛЕЕ на разговоре о каких-то значимых для ТЕБЯ и для РЕСПОНДЕНТА событиях, очевидцем и свидетелем которых он был?.. т. е. дело не в том, что мое – биографическое, твое – нет, а в акцентах, фокусах, и, если исходно, то в ЦЕЛЯХ..

всего, Боря

**

Отметина 15. Д. Шалин - Б. Докторову

17 июля 2011 г.

Boria,

Our differences are indeed in perspective, but they are also substantive. You scrutinize the respondents' bio for the sake of illuminating the epoch (the discipline, the school, the institution). I am more interested in the way history and biography feed on each other, in the determination running both ways – interdetermination. Biocritical hermeneutics is premised on the notion that our choices reproduce as well as transform society, and it strives to illuminate the

trans/historical patterns of human agency caught in time's gravitational pull and the strategies we follow in coping with the conflicting demands of the body, the intellect, and the emotions.

Not sure this is of any use to you, but that is how things look at a glance from where I stand.

Yours, Dima

**

Отметина 16. Б.Докторов – Д.Шалину

17 июля 2011 г.

Дима, думаю, что в данном случае (текст для «Телескопа» о рубрике) я справлюсь.. опишу тип твоих интервью.. с другой стороны, может быть, мы придумаем, какими назывными прилагательными можно описать твое и мое интервью как разные.. потом можно пуститься в сколь угодно продолжительные пояснения.. спасибо, Боря

**

Отметина 17. Д. Шалин - Б. Докторову

17 июля 2011 г.

Boria,

We can call my interviews "biocritical" to acknowledge the fact that I invite my respondents to go over the turning points in their lives and invite the interlocutor's critical reflections on one's choices. Then we can designate your interviews as "biographical" insofar as you aim to show how the person's choices were informed by and help illuminate the socio-historical conditions within which they occurred.

Yours, Dima

**

Отметина 18. Б. Докторов – Д. Шалину

17 июля 2011 г.

Дима, - это доброе решение.. если ты не против, я его введу в мою статью, ясное дело, с сохранением твоего авторства.. ты уже в предыдущем письме использовал термин «биокритичность», и я, написав «может быть, мы придумаем», имел в запасе и прилагательное «биокритическое».. на этом фоне, правда, «биографическое» - не лучший вариант для названия моего интервью, ибо твое – «биокритическое» биографическое интервью.. (имя, отчество и фамилия), а у меня пока имя покороче.. но я не сильно переживаю.. я знаю, если вопрос поставлен верно, то рано или поздно на него будет дан ответ.. мое математическое образование именно так мне подсказывает.. гуляем дальше, всего, Боря

**

Отметина 19. Д.Шалин - Б.Докторову

17 июля 2011 г.

Boria,

I wouldn't designate my approach as "biocritical biographical interview" – just "biocritical interview." My perspective complements yours, which relies on "biographical interview" and favors concepts like "шестидесятники," "поколения," "ленинградская школа социологии," and so on.

Yours is a sensible approach that yields much insight into how scholars belonging to a given tradition share certain patterns of productivity, methodology, and adaptive behavior. For me, such explanatory concepts are less important. I do take into account the era in which this or that respondents came of age and is forced to work, but my primary interest is in the flesh and blood intellectual, in respondents making sense and adopting behavioral strategies that cut across the generational and institutional divides.

Yours, Dima

**

Отметина 20. Б.Докторов – Д.Шалину

17.07.2011

Дима, в первом письме ты написал: «The term "conversations" better describes the format of my exchanges». Может, так и обозначим – «биокритическая беседа» (biocritical conversation)? Б.

**

Отметина 21. Д.Шалин - Б.Докторову

17.07.2011

Boria,

Биокритика, биокритическая герменевтика, биокритические исследования опираются на биокритическое интервью или биокритические беседы как инструмент познания. Можно найти специфику у каждого термина, но все они из одного семейства.

Maybe we should merge our exchange with the earlier discussion about the invisible college and invite Andrey, Larissa, and Natasha to join the latest round.

Best, Dima

**

III. Предмет дискуссии расширяется... и углубляется

Отметина 22. Б. Докторов – Н. Мазлумяновой, Р. Ленчевскому

18.07.2011

Дорогие Наташа и Роман,

Как вы уже знаете, пару дней назад известные вам персоны обсуждали вопрос о типе нашего дисперсного сообщества.. мы предполагаем этот обмен мнениями вывесить на сайте МБИ.. но ПРЕЖДЕ этого мы хотели бы попросить вас присоединиться к прошедшей дискуссии и прокомментировать сказанное.. с вашими комментариями все и вывесим.. всего, Боря

**

Отметина 23. Н. Мазлумянова – Б. Докторову

18.07.2011

Что ж, похоже, вы правы и нечто вроде профессионального сообщества у вас возникло. У него есть и общие темы – с упором на историю социологии, и некоторые формообразующие моменты – те же журналы и сайт, где публикуются работы членов группы. Разброс тем довольно большой, их мне трудно нормально проанализировать, поскольку не прочла еще Диминой книги, не читала его материалов на сайте за пределами МБИ, не видела еще и вашей книги [БД: книга по истории российской социологии еще не опубликована]. Так что большая часть материалов осталась вне сферы моего зрения. Тем не менее, конечно, достаточно и того, что вижу и читала. Единственно, я бы не стала топиться относить всех к определенной школе, особенно, когда они сопротивляются.

**

Отметина 24. Б. Докторов – Н. Мазлумяновой

18.07. 2011

Спасибо, учтем и вашу точку зрения.. я никого никуда не заносу.. то было «запевное» для обсуждения.. не более того.. это какую мою книгу вы не видели?

**

Отметина 25. Н. Мазлумянова – Б. Докторову

18.07. 2011

Как какую – по истории социологии, которую еще не опубликовали... Моя точка зрения не представляет никакого интереса. Вы сами зафиксировали некое явление и выделили его характерные черты. Остальные, в общем-то, соглашаются, внося небольшие уточнения...

**

Отметина 26. Н. Мазлумянова – Б. Докторову

18.07. 2011

...а вообще-то Вы удачно это заметили – про сообщество, каждое лыко легло в строку: журналы, книги, сайты, кооперация, общие темы. Жаль, в тематике мало собственно про биографии, а не про историю социологии и способы ее извлечения из профессионально-биографических интервью. Как "подает" человек свою жизнь? Как строится единый текст, создаваемый двумя людьми - респондентом и интервьюером? Как они понимают друг друга, чем заполняют смысловые лакуны, неизбежно возникающие в разговоре? Какие типы вопросов задаются? Каковы особенности представления в рассказе настоящего, прошлого и будущего, а также предбиографии? Какого типа персонажи представлены на каждом из этих этапов повествования? Как на этих этапах показаны линии личной жизни, творчества, карьеры? Какие части (этапы, линии) повествования эмоционально выделены и какими средствами? Тут и контент-(анализ) пригодится.

**

Отметина 27. Р. Ленчовский – Б. Докторову, А. Алексееву

19.07.2011

Дорогие Борис и Андрей!

Откликаюсь сей момент только на два адреса, поскольку лишь уведомляю самых близких собеседников о том, что всё по конструируемому в этом нашем общении незримому колледжу я прочитал с огромным интересом (и последовавшую за этим письмом ко мне и Наташе «ночную переписку» Бориса и Дмитрия). Спасибо вам за присылку и приглашение участвовать. Однако включиться в содержательное обсуждение смогу по разным обстоятельствам лишь через день-два.

...К слову сказать, сейчас убегаю на встречу с Женей Головахой - для очередного сеанса нашей социо-историко-биографической "магии" (она же - почти бесконечная русская беседа "за жизнь", или, если на понятном в англо-саксонском гуманитарном обиходе, - *нарративная герменевтическая интеракция*: её искомая и исконная "магическая суть", пожалуй, везде одна и та же, а без этой подлинной магии глубоко личностного общения (если повезёт!) никак нельзя в нашем деле... Впрочем, я как раз и начинаю "рефлектировать", но вынужден прерваться...). <...>

P.S. У меня на столе: "КОЛЛЕЖ СОЦИОЛОГИИ. 1937-1939. Тексты Жоржа Батая, (...) Пьера Клоссовски, (...) Жана Валя и др. " Это - как на удачу! - питерский перевод (2004) парижского, у Галлимарда, издания ДОКУМЕНТОВ (стенограммы встреч и проч.) неформального кружка интеллектуалов (известного именно под таким именем - на французский лад: "Коллеж социологии"), работа которого была прервана войной. Снял с полки к последующему нашему разговору...

Жму руки и обнимаю!
До связи,
Роман

**

Отметина 28. Б. Докторов – Р. Ленчовскому. Копия – А. Алексееву

19.07.2011

Роман, твоим упоминанием парижского сборника ты уже внес существенный вклад в наше обсуждение.. будет время, напиши пару страниц о содержании его материалов.<...>. Боря

**

Отметина 29. А. Алексеев – Н. Мазлумяновой, Б. Докторову, Л. Козловой, Д. Шалину, Р. Ленчовскому

19.07.2011

Мне уже не раз приходилось замечать, что лично для меня самое интересное и ценное в «тематике» нашего со-трудничества – не социология, и не ее история, а именно биография сквозь призму истории и история сквозь призму биографии, «точка пересечения биографии и истории», пользуясь выражением Ч. Р. Миллса. Можно рассматривать «40 биографических интервью, взятых у коллег-социологов» Бориса Докторова как историю новейшей российской социологии «в лицах», а можно и как «коллективный автопортрет» и «зеркало эпохи», тем более интересные, что сделано это людьми, профессионально исследующими общество, только в данном случае «на собственном примере». Получается то, что я называю *социологической ауторефлексией*. Социологической потому, что саморефлексия представителей нашей профессии неизбежно несет на себе ее (этой профессии) печать.

А еще – я бы не спешил с публикацией этого диалога (полилога). Я могу назвать не один десяток имен (начиная с тех, кого уже назвал Борис в своем «затравочном» обращении), которым есть что сказать и о нашем «незримом колледже» («зримой сети»), и о предмете его занятий, причем подвинуть их на такое участие, пока в этой эпистолярной хронике еще не поставлена точка или даже многоточие, легче, чем когда настоящая переписка станет фактом публичности.

Мы же здесь пишем, по существу, открытые личные письма. А на форуме придется переходить в роль публичных дискусантов. А. А.

**

Отметина 30. Л. Козлова – А. Алексееву, Б. Докторову, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

19.07.2011

Дорогие коллеги,

я бы хотела откликнуться несколькими словами на переписку Бориса Докторова и Дмитрия Шалина об определениях типов интервью, которых придерживается каждый из них. А также высказать реплику о подходе Андрея Николаевича Алексеева и своем.

По-моему, общность типов интервью Докторова и Шалина состоит в нацеленности на то, чем вообще интересно биографическое интервьюирование — через него можно увидеть людей и их эпоху. Разница же в том, что интервью Дмитрия Шалина более специализированное, что ли: задача интервьюирования — выяснить, как отдельные интеллектуалы-социологи строят свои адаптивные (протестные, диссидентские) жизненные стратегии, идущие вразрез с институциональными, политическими и

социальными порядками, принятыми в обществе. Поэтому свою методику Шалин называет биокритикой, а интервью — биокритическим (биографическим) интервью (или беседой, что непринципиально, т. к. ключевое слово здесь «биокритика»).

В интервью Бориса Доктора — тот же интерес к взаимовлиянию и взаимодействию биографии и истории, личности и общества, но этот интерес шире, он менее специфичен. Во главу угла не ставится рассмотрение каких-либо определенных жизненных стратегий, типов. Напротив, интервьюирование посвящено поиску многообразия этих стратегий и типов — внутри поколений, в частности. Другое направление работы Доктора — изучение личностной и общественной траектории индивида — его предбиографии, биографии и постбиографии. Большой биографический массив собранных им интервью позволяет решать эти задачи применительно уже к четырем поколениям социологов. Пока собранные им интервью Борис называет обобщающим словом биографические.

Мне также близок подход, которого придерживается Борис Доктор. Но я вижу здесь два возможных методических направления: как изучение активных представителей того или иного поколения, «фундаторов», «первопроходцев» и т. п., так и «массовое» изучение различных групп социологов, скажем, поколений, школ и т. п. (это просопография; она очень затратная, поэтому я вынуждена рассматривать ее только как потенциальную, но очень полезную возможность). Первый тип дает «социальные портреты» социологов, историю социологии «в лицах», общественную историю через личные биографии; второй тип более широко показывает процессы, идущие в социологическом сообществе и в обществе. Интервью первого типа можно было бы назвать личностными социолога (историко)-биографическими (или короче индивидуально-биографическими), а второго — социально-биографическими (анализ полученных в них данных — статистический). Оба названия скорее не самые удачные, но разница, думаю, видна.

Специфика метода А.Н. Алексева, по-моему, в том, что в центре его исследования — субъект (деятель, актер). Автобиография в изложении респондента выступает как пропущенный через него опыт проживания и своих собственных обстоятельств, и обстоятельств общественной жизни. В этом смысле АН интересуется изучением общества и социологии, прежде всего, как он пишет, «на собственном примере» автобиографа. Этот подход он и называет социологической ауторефлексией.

Говоря в общем, каждый тип интервью зависит от целей, которые ставит исследователь. Чем больше этих целей, тем больше типов интервью и тем лучше результаты изучения и биографий, и истории...

Мне показалась хорошей идея А.Н. Алексева спросить обо всем этом у других заинтересованных коллег, а не только друг у друга.

С наилучшими пожеланиями,
Л.К.

**

Отметина 31. Б. Докторов – Л. Козловой. Копия - А. Алексеву, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

19.07.2011

..дорогая Лариса, ты – действительно – академический ученый.. умеешь смотреть со стороны, все разложила.. похоже, что правдоподобно.. Боря

**

Отметина 32. А. Алексеев - Л. Козловой. Копия - Б. Докторову, Н. Мазлумяновой, Р. Ленчовскому, Д. Шалину

19.07.2011

Дорогая Лариса!

Приветствую Вашу попытку определить специфику черт авто-био-социо подходов по крайней мере троих из нашего круга (Докторов, Шалин, Алексеев). Пока Вы делаете это с точки зрения различия задач. С чего, конечно, надо начинать. Можно продолжить эту работу в плане различия методов и стиля.

Не хватает пока - в данном контексте - самоопределения Вашей собственной работы в этом направлении, хоть вообще-то Вы на эту тему не раз высказывались.

Про себя добавлю, что рефлексия актора, "героя" может и не быть социологической. Но задачей исследователя является социологическое прочтение и интерпретация его биографии

Очень рад Вашей поддержке идеи "спросить обо всем этом у других заинтересованных коллег, а не только друг у друга".

Ваш Андрей Алексеев

**

Отметина 33. Б. Докторов – А. Алексееву, Л. Козловой

19.07.2011

Дорогие Лариса и Андрей, пожалуйста, набросайте список потенциальных экспертов по обсуждаемой теме.. к кому можно обратиться (с надеждой получить ответ)?
Б.

**

Отметина 34. А. Алексеев - Б. Докторову. Копия - Л. Козловой.

Мне кажется, должен быть какой-то обоснованный критерий отбора адресатов такого приглашения к разговору на данную тему.. Возможно, самым удобным мог бы быть список тех, у кого брал интервью Б. Докторов (40 биографических интервью) и у кого брал интервью Д. Шалин, плюс те, кого назовет Лариса, плюс еще Любовь Борусяк, которая ведет на Полит.ру серию интервью "Взрослые люди". Понятно, что откликнутся немногие, но эту "безличную" рассылку можно подкрепить личными обращениями Бориса к тем, с кем он поддерживает в последнее время постоянную эпистолярную связь.

Твой А. А. 19.07.2011. 21:45.

**

Отметина 35. Л. Козлова – Б. Докторову. Копия – А. Алексееву, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину.

19.07.2011

Я подумаю. Л. К.

**

Отметина 36. Л. Козлова – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

19.07.2011

Дорогой Андрей Николаевич,
спасибо за отклик! Конечно, и стиль, и методы Алексеева, Докорова, Шалина заслуживают того, чтобы о них писать отдельно. Но я пока коснулась только типов биографических интервью: об этом шла речь в ночной переписке Докорова и Шалина. Да параллельно прочитала и Вашу реакцию на эту переписку и кое-что написала о Вас. На себе заостряться не стала. О чем-то уже писала, о чем-то еще писать рано...

Я согласна с Вами, что рефлексия (автобиографа) может и не быть социологической (а задача исследователя - социологическая интерпретация биографии). Но Шалин и Докоров интервьюируют только социологов, а те чаще всего сбиваются именно на социологическую рефлексию. В этом для интерпретатора-социолога - большая помощь и удача.

Будет очень интересно, если Вы привлечете к разговору кого-нибудь со стороны.
С наилучшими пожеланиями,
Л.К

**

Отметина 37. А. Алексеев – Л. Козловой. Копия - Б. Докторову, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

19.07.2011

Дорогая Лариса!

Ладно. Не пишите о себе. Зато я попытался сопоставить цели (соответственно, методы) Ваших и докторовских биографических интервью. И Вы это опубликовали в своем сборнике «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации» (М.: Научный мир, 2010): с. 353-356. Сейчас некогда, но можно найти электронную версию этого фрагмента (кстати, тоже переписка – моя с Борисом, 2007 г.) и вставить извлечения оттуда в настоящий наш групповой диалог. (См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html. Позднейшая приписка. - А. А.).

Так сказать, давние мысли в новом контексте.

А социологи, интервьюирующие социологов же, «ловко устроились»: получают сразу и биографическую информация, и социологическую интерпретацию. Правда, социологи – тоже люди, так что их ауторефлексия может быть не только профессиональной, но и субъективистской.

Посылаю Вам нашу коллективную переписку. 15-19.07.2011, за исключением личных писем, не посылавшихся параллельно во все адреса.

Ваш Андр. Ал.

**

Отметина 38. Л. Козлова – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову

19.07.2011

Дорогой Андрей Николаевич,
большое спасибо за полную подборку писем.

Сейчас мне некогда шибко углубляться в полилог, что-то туда писать о своем: надо заканчивать номер СЖ и проч. Но Ваш текст из книги, о котором вы пишете, посмотрю.

Я думаю, что принцип опросить тех, у кого брали интервью, вполне обоснованный. Я таки подумала и убедилась, что можно еще опросить тех, кто сам брал интервью или думал на эти темы. Но их не так много и они почти все входят в первую группу. Это могут быть Б. Фирсов, О. Божков, М. Илле, В. Козловский. <...>

Не могу не согласиться с Вами в том, что социологи, интервьюирующие социологов, - большие ловкачи!

Ваша Л.К.

**

Отметина 39. А. Алексеев – Л. Козловой. Копия – Б. Докторову

19.07.2011

Дорогая Лариса! Да Вы и не углубляйтесь. Вашего академического, по определению Бориса, вклада вполне достаточно. АА. 19.07.2011. 24:00

**

IV. Разные темы слились в одну

Отметина 40. Д. Шалин - А. Алексееву, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Маздумяновой

20.07.2011

Привет участникам МБИ форума.

Наш ночной разговор с Борей о типах интервью первоначально не был частью общей беседы, потому и проходил в двуязычном формате, как у нас в заводе. По мере того, как обмен мнениями набирал обороты, стало ясно, что он может заинтересовать и других участников нашего заочного (незримого, сетевого, электронного) форума. Приношу извинения за накладку и перехожу на русский.

Мне близки ранее высказанные суждения о природе нашего сообщества, предмете и задачах исследования, методологии и технике интервьюирования. Все представленные точки зрения – даже когда они оказываются в конфликте – имеют право на

существование, могут стимулировать и уже стимулировали плодотворную научную работу. Предмет наших штудий, как мне видится, включает в себя 1) историю социологии, 2) биографические исследования, и 3) автобиографическую рефлексию. В числе наших методов 1) биографическое интервью, направленное на понимание взаимообусловленности личности и ее исторического окружения; 2) биокритическая беседа с характерной для нее нацеленностью на само-понимание и оценку ключевых решений в жизни участников беседы; и 3) автобиографическое исследование, цель которого понять себя, описать свой жизненный путь в определенной исторической эпохе. Последний метод перекликается с автобиографическим исследованием, где акцент смещается от самоописания и самоинтерпретации к самооценке и самокритике в контексте не только данной эпохи, но и в трансисторической перспективе.

Типологии, парадигмы, теории полезны, особенно если мы помним, что они сродни идеальному типу Вебера, что реальность редко схватывается одной моделью, что предметы социального исследования обычно принадлежат нескольким таксонам одновременно. Сама по себе парадигма (теория, методология) не гарантирует успеха, если у исследователя плохо обстоят дела с социологическим воображением, которое помогает исследователю противостоять диктату теории, открыто его жизненному опыту и отвечает его экзистенциальным установкам.

Можно говорить о российской интеллигенции, поколении шестидесятников, или Ленинградской школе в социологии, но при этом не стоит забывать, что каждое из этих понятий сфокусировано на общих для участников чертах и абстрагируется от не менее важных различий. Наиболее интересными часто бывают междисциплинарные, полипарадигматические, методически разношерстные исследования, где автор не слишком обеспокоен чистотой подхода. Интервью Бориса Докторовича важный источник по истории российской социологии – пост-хрущевской, времен “застоя” и постсоветского времени. Но в них много ценного для исследователя жизнеописаний, для понимания природы мотивации и биографического дискурса. Андрей Алексеев, прежде всего, интересуется автобиографической рефлексией, его собственной и интеллектуально близких людей, но его работы содержат интереснейшую информацию об эпохе, о ключевых эпизодах его собственной судьбы и жизни общества (не только научного). Лариса Козлова и Наташа Мазлумянова вместе с Геннадием Батыгиным собрали ценнейшие интервью с социологами советской эпохи, но у этих авторов есть важные разработки по методологии и технике интервьюирования, по научным сетям в среде российских социологов, равно как и по социологической теории. Я менее знаком с работами Романа Ленчовского, но насколько могу судить, помимо общих интересов с Андреем Алексеевым, у него есть разработки по философии самосознания и социальной практики, непохожие на то, что делают другие участники нашего форума.

Отсюда мое спокойное, если не сказать, прохладное отношение к таксономическому дискурсу. К последнему я был причастен (особенное в ранней стадии интеллектуального развития) и сейчас отдаю ему должное, но теперь меня больше интересуют результаты исследований независимо от специфических методов и теорий их авторов.

Свою первую работу о советской социологии я написал в 1975 году в Риме, когда ожидал американской визы. Франко Ферраротти попросил меня написать о советской социологии и опубликовал мои заметки в своем журнале *La Critica Sociologica*. Два года спустя я сделал доклад на семинаре Мертона по социологии науки об институционализации эмпирической социологии в СССР, из которого выросла статья “Развитие советской социологии, 1956-1976”, опубликованной в 1978 году в *Annual Review of Sociology*. Затем последовало еще несколько работ по истории социологии в Советском Союзе. В 1989 году я взял интервью у Бориса Грушина и Натальи Карцевой, положившее начало серии бесед с российскими социологами/интеллектуалами по проекту “Перестройка и интеллигенция”. К концу 90-х пришло понимание, что мой давний

интерес к прагматизму и герменевтике перекликается с моими работами по интеллигенции и биографическому дискурсу, и к середине нулевых годов я сформулировал программу исследований по биокритической герменевтике, основанной на идеях Пирса, Дьюи, Джеймса, и Мида, связавших вопрос о смысле и значении с поведением, соматикой и эмоциями.

Именно отсюда берут начало проекты “Международная биографическая инициатива” и “Архивы Ирвинга Гофмана”. К этому времени мой интерес к истории социологии ослаб а интерес к авто/биографическим исследованиям вырос. К циклу работ последнего типа относятся мои биокритические заметки о Леваде, Голофасте/Саганенко, Хейдеггере/Гадамеру, Ирвинге Гофмане, и, пожалуй, недавно опубликованные комментарии о нарративной идентичности и дискурсу социолога не/эмигранта, хотя последние выходят за рамки биокритического исследования и возвращают меня к истории российской социологии.

Не буду распространяться о природе биокритики и биокритической герменевтики, о чем я писал в тезисной и более развернутой форме. Закончу свой экзегезис благодарностью ко всем сегодняшним и будущим участникам МБИ форума.

Всего доброго, Дмитрий

**

Отметина 41. А. Алексеев - Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

20.07.2011

Что ж, манифест Д. Шалина адекватно подводит итог серии предыдущих ответвлений нашей лично-групповой переписки. В принципе, со сказанным им здесь я согласен, разве что уточнил бы иерархию целей автобиографической рефлексии (в моем понимании и личной практике) - в смысле приоритета познания общества перед познанием себя: второе выступает средством для первого, а не наоборот. Поддерживаю и шалинский пафос интердисциплинарности и плюрализма исследовательских подходов, отдавая, как и он, предпочтение социологическому воображению перед «чистотой» подхода и таксономическим дискурсом.

Как видно, две "темы" (о "незримом колледже" и о различии авто-био-социо подходов) слились в одну, и надо бы отразить "ночной" (по московскому времени) или дневной (в Западном полушарии) разговор Бориса и Дмитрия 17.07.2011 - в исходном (основном) полилоге. Теперь это уже очевидно.

Вопрос о привлечении к разговору новых участников остается открытым. но, может быть, пожелание мое и Ларисы о расширении круга со-беседников может быть реализовано позже, а пока - вот, что думают непосредственные со-трудники о целях и формах своего сотрудничества.

Тоже интересно, для уяснения самим себе и для "сверки часов".

Мой привет всем участникам "МБИ-форума"!

Андрей Алексеев. 20.07.2011. 13:40

**

Отметина 42. Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой,

20.07.2011

Дима, твой текст – пример **аутобио критического** анализа.. это – нечто новое.. безусловно, любая автобиография биокритична, но твоя, особенно если ты «раскачаешься» на текст большого объема, – вдвойне.. ибо философия (природа) метода в нас.. ты иначе не сможешь.. и от этого никуда не деться..

Мне сказанное тобою особо симпатично, ибо я сам в историко-социологических построениях стараюсь, по мере возможности и учитывая специфику текста, обращаться к корням, к моментам возникновения моего интереса к той или иной проблематике...

Приятно читать и есть о чем думать, не останавливайся и раскачивайся дальше..
Боря

**

V. Новое обогащение разговора

Отметина 43. Н. Мазлумянова – Б. Докторову

20 июля 2011 г.

Мне представляется более сложным не отыскание различий в ваших типах интервью, а нахождение общего в них. Единственное бросающееся в глаза общее – наличие биографической основы.

Ваши интервью, прежде всего, более систематизированы, имеют более-менее общую структуру. В них рассмотрены основные «линии» жизни человека: личная жизнь, карьера, творчество. При этом большее значение придается двум последним. Личная же жизнь по большей части остается за кадром. Это связано и с вашей принципиальной позицией не задавать сенситивных вопросов и просто со здравым смыслом. Еще одна причина – многое о жизни конкретного респондента Вы сами знаете, и для всяких выводов и обобщений вам этого достаточно. Однако в результате для читателей большая часть мотиваций профессиональной жизни вашего героя выпадает – ничего не поделаешь.

Все эти линии рассмотрены на разных жизненных этапах, которые можно объединить в крупные блоки. Это то, что вы называете предбиографией, затем «прошлое», «настоящее» и представление о будущем. В прошлом легко выделить периоды детства, профессионализации, карьерные шаги; настоящее – скорее всего то, что более-менее неизменно существует сейчас и все те годы в прошлом и представляемом будущем; в «будущем» можно, наверно, выделить такие варианты как ожидаемое (вероятное) и желаемое. С тем, что вы называете постбиографией, сложнее. Вы понимаете под ней влияние работ и личности изучаемого человека на мир после его жизни; но ведь это влияние осуществляется и во время его жизни, принципиальной разницы я не вижу.

Таким образом, ваши интервью (над названием не приходится долго думать – профессионально-биографические), охватывают все основное, что происходило в профессиональной жизни человека, частично захватывая при этом и личное – семейные обстоятельства, увлечения – все то, что может на эту профессионально-творческую жизнь влиять. Определена и структура задаваемых вопросов: первая группа – все, перечисленное выше и более-менее повторяющееся для всех, а также уточняющие вопросы; вторая – вопросы, посвященные каким-то конкретным ситуациям, свидетелем или участником которых был ваш респондент (здесь вы совпадаете с Шалиным); наконец, третья – экспертные вопросы, когда Вы обращаетесь к респонденту как к специалисту, чтобы

выяснить его мнение по какому-то вопросу (пример – актуален ли для современной социологии марксизм).

Конечно, собранный таким образом (а также любым другим) материал не полон и только «стремится» к реальности. Но у него есть большое достоинство – данные сравнимы, в общем-то совместимы, в принципе пригодны к обобщению. Как именно – для меня туманно. Может, голосованием – как распределились точки зрения респондентов при изложении и оценке каких-то событий в прошлом? Или в качестве исследователя может выступать только эксперт, у которого уже есть точка зрения на произошедшее, но ему не хватает знания подробностей?

В любом случае, с этим массивом данных можно работать: составлять индивидуальные портреты, группировать их в поколения, школы, социальные сети, теоретические направления, прослеживая историю идей.

Хочется отметить, что у вас есть уникальный опыт составления коллективных биографий. При этом в каждой биографии (скажем, людей одной профессии, у вас это полстеры, исследователи рекламы и др.) отбираются наиболее значимые точки – они являются значимыми или даже поворотными для многих «биографируемых» (точки сгущения) и развития самой предметной области. Основные линии этой коллективной биографии проходят прежде всего по этим точкам. Такой же прием можно использовать (возможно, вы уже использовали в неопубликованной книге по истории российской социологии) и для написания коллективной биографии российских социологов и российской социологии.

Первоначально мне казалось, что шалинские интервью направлены на изучение не людей, но проблемы (поведения советской интеллигенции в этически сложных, а часто просто опасных ситуациях). И собранная информация, полученная в различных интервью, дополняет друг друга, создавая детальную и стереоскопическую картину исследуемого явления.

Поэтому подбираются персонажи, которые могут с разных сторон осветить проблему, рассматривая ее куда более детально, чем в «общем» интервью, под микроскопом. Однако ясно, что в дальнейшем текст используется для анализа не только самой проблемы, но и личности респондента – и по его поведению в обсуждаемой ситуации в прошлом, и по поведению в процессе интервью, даваемым им оценкам и комментариям, по реакциям и репликам других респондентов этого интервью (при их наличии). В дальнейшем эти данные объединяются с другими материалами – рассказами других людей о персонаже и даже характеризующей его информацией, в том числе этической, почерпнутой из его же работ! Таким образом, шалинские интервью – это только один из этапов сбора материала. Конечным же результатом его работы должен быть полный портрет исследуемого в значительно более широких рамках, чем это принято и, может быть, практически возможно – от личной жизни и взглядов на жизнь до особенностей его творчества. То есть все жизненные проявления исследуемого должны увязываться между собой, часто выходя за рамки общепринятого, захватывая и слишком личное, и не всегда красивое. Мне представляется все это интересным (подать личность целиком на блюде) и несколько... неприличным (что делать с общепринятой этикой поведения?) Однако же автор работает, результаты налицо, значит, получается. А мне еще только предстоит прочесть многие его тексты.

Но это все – проблемы дальнейшей работы с материалами интервью. Если же вернуться к сравнению их с докторовскими, нужно отметить отсутствие общей для всех интервью структуры вопросов, хотя, наверняка существует скрытый смысловой скелет – от опрашиваемого так или иначе требуется описать события, сказать, что при этом чувствовал и чем руководствовался при совершении каких-то поступков (выбора и проч.) Поэтому эти интервью являются как проблемно-, так и личностно-ориентированными.

Таким образом, очередное различие между вашими интервью и шалинскими заключается в том, что у вас эти интервью – конечный результат сбора материала, после

чего он может сразу переходить к анализу полученных данных. У Шалина же это только один из этапов сбора материала.

Можно было бы еще написать и о методах проведения интервью, и о способе их представления. Но это отдельная тема.

**

Отметина 44. А. Алексеев – Н Мазлумяновой. Копия – Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Д. Шалину

20.07.2011

Дорогая Наташа!

Вы проделали ценную работу сравнения двух «школ» биографических (хотя и не только...) интервью - Докторовы и Шалина - у представителей российской гуманитарной интеллигенции (в частности, социологов) – с точки зрения как различий, так и общего между этими «школами». И ведь этим вовсе не исчерпывается возможное богатство целей, методов и стилей!

Пользуюсь этим поводом, чтобы обратить внимание на то, что ни один из способов интервьюирования, равно как и биографическое интервью само по себе, не может служить единственным и / или преимущественным источником информации о человеке, не говоря уж о представляемой им сфере деятельности. (Последнее, впрочем, очевидно).

Что бы ни рассказывал «биографируемый» о времени в себе и о себе во времени, он будет субъективен, и *имеет право* на сгущение красок (в свою пользу) или умолчания (опять же – в своих интересах), не говоря уж о «нейтральных» ошибках памяти. Он имеет право даже на намеренное искажение реального хода дел в своем нарративе (хотя это уже будет характеризовать не сам этот ход, а моральный облик рассказчика).

Интервьюер имеет право на собственную точку зрения, которую может не скрывать (иначе это будет не беседа, а протоколирование). Но, в конечном счете, субъект биографии – хозяин своего жизнеописания и жизнеосмысления, равно как и мировосприятия.

(Единственно, чему интервьюер должен препятствовать, по крайней мере – при публикации интервью, это «попутные» оскорбительные замечания в адрес тех или иных коллег, не сопровождаемые сколько-нибудь убедительными доказательствами).

...И если мы хотим узнать «правду и ничего, кроме правды», то надо перекрещивать разные методы, «триангулировать» (как теперь принято говорить), надо сопоставлять рассказы разных людей об одном и том же событии, и воспоминания об одном и том же лице (включая суждения друг о друге), и всевозможные документальные свидетельства.

История науки, история поколения. история жизни, наконец, - это всегда некий конструкт, собранный из разноречивых свидетельств, где решающая роль принадлежит уже исследователю, историку, биографу, его собственной субъектности и субъективности. Что и строят наши коллеги, опираясь – в том числе! – на биографические интервью. Мой пафос – против абсолютизации и апологии метода, биографического, в частности. Сколь бы он ни был информативен и перспективен. А. А. 20.07.2011. 23:30.

**

Отметина 45. Л. Козлова – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

21.07.2011

Дорогой Андрей Николаевич,
по-моему, в Вашем ответе Наташе есть много ценных замечаний, и кое на чем хотелось бы сделать акценты. Думаю, что есть вопросы в теме, которую я условно назвала бы «права социолога». Одновременно это и об элементах научного стиля исследователя.

Очевидно, что возможности биографических интервью в смысле предоставляемой информации очень ограничены. Тем не менее, иногда исследователь, проводя интервью (серию интервью), хочет получить от этой работы больше, чем она может дать. В этом заключается проблема, т. к. из-за своих невольных (тем хуже, если осознанных) устремлений, социолог попадает под власть установок, которые служат ему дурную службу по отношению к информанту, материалу и процедуре биографирования. При самых чистых побуждениях он может начать оказывать давление, форсировать и форматировать коммуникацию, подгонять ответы под свою версию. (Я знаю пример, когда квалифицированный социолог отказал одному из наших коллег в продолжении биографирования, т. к. ему показалось, что на него оказывается идейное давление).

Вы очень хорошо расписали «права информанта»: приукрашивать, забывать, ошибаться и проч. Все так и есть. Я хочу сказать о «правах социолога» (обязанностях?), которые вытекают из статуса материалов биографии и статуса самого биографанта. На мой взгляд, исследователю необходимо относиться к материалам биоинтервью как к объективной данности, чего бы он от них ни хотел. Иными словами, все, что говорит информант, отвечая на ваши вопросы или создавая нарратив, следует принимать как объективную реальность (вместе с входящими в нее приукрашиваниями, искажениями, недомолвками, нежеланиями говорить о чем-то и проч.). Биографический рассказ (ответы) — это (используя выражение Бурдье) объективация субъекта (информанта), и она такая, какая есть. Это осложняет работу социолога: происходит «сопротивление материала», результат не дается в руки. Но информант придал своему рассказу такие форму и содержание, какие смог, посчитал нужным, применяя имеющиеся у него интеллект, волю, характер, эмоции и т.п. А потому, социолог, считаясь с этим, не вправе как-либо влиять на волеизъявление человека при получении биографического материала, не вправе направлять или корректировать его, стремясь получить желаемые смыслы и руководствуясь своими задачами. В этом социолог безволен и бесхарактерен, как радиоприемник. Он может только обеспечивать «техническую часть»: формулировать цели и задачи исследования, задавать тематику разговора, применять опросник, уточнять то, что показалось непонятным, плохо выраженным и т.п. При этом в обязанности социолога остается соблюдение этических принципов, каковы они есть или как он их понимает (например, незадавание сенситивных вопросов, исключение из текста (если он публикуется) непечатных слов, оскорблений в чей-либо адрес и т.п.). По-моему, эти правила — общие при любых методологиях опроса, транскрибирования или редактирования биографических текстов. Даже если речь идет о таких формах опроса, как беседа, диалог, в которых вроде бы оба участника равноправны.

На каких же участках биографического исследования может показать себя социолог? Свою активность и субъектность социолог вправе (обязан) проявлять в двух отношениях: при создании «технических средств» и на этапе преобразования полученной информации, т.е. при анализе биоматериалов с привлечением дополнительных источников, когда создается «конструкт» истории жизни, истории общества, биографии. В этом — только его прерогатива.

Думаю, что все сказанное — очевидно. Хотя иногда кажется, что не грех записать и очевидное.

Всего доброго, Л.К.

**

21.07.2011

Уважаемый Андрей Николаевич!

Я полностью согласна со всем, вами сказанным. Просто, насколько я поняла, вопрос был поставлен достаточно узко: в чем основные различия интервью Докторова и Шалина (leaving aside технические моменты) и как можно назвать каждый из этих типов интервью одним прилагательным? Поэтому такие существенные моменты, как способы получения достоверной информации о респондентах, социологическом сообществе и самом исследователе (саморефлексия), отличные от биографического или отчасти биографического интервью, остались в стороне. Конечно, я знаю про триангуляцию и понимаю, что есть много путей к истине, о чем говорят, в частности, и ваши работы, и работы Шалина. Наверняка и Докторов в своей работе опирается не только на тексты интервью. Существует множество способов проверки и подтверждения полученной в личной беседе информации, в зависимости от цели исследования и возможностей исследователя для каждой программы они складываются в особый букет.

Что же до интервью, то его в принципе можно рассматривать, как своего рода художественное произведение, причем двух авторов. Первый из них, исследователь, задает общую канву и направляет рассказ. За респондентом же – конкретное наполнение очерченных для него полей. Он отбирает значимые для себя события, «организует» их, устанавливая между ними временные, причинно-следственные, мотивационные и прочие связи, задает ценностные координаты, делает эмоциональные акценты и т. д. Причин, по которым в беседе искажается реальность – масса, искажения бывают как неосознанные, так и осознанные. В двух словах – что такое искажения.

В рассказе респондента присутствуют:

– отобранные им события (существует много определений этого понятия; я буду называть событием любое значимое для респондента изменение как во внешнем, так и в его внутреннем мире). События могут быть «фактами», проверяемыми, объективными или субъективными, непроверяемыми (так и хочется назвать их по аналогии с компьютерной терминологией hardware и software);

– объяснение событий, их взаимосвязи, в том числе мотивировка, последствия;

– оценки событий, как ценностные, так и эмоциональные.

Труднее всего исказить hardware – все-таки люди помнят основные факты, даты своей жизни и проч. Специально это вряд ли кто будет делать, это элементарная забывчивость или случаи «ложной памяти». Однако в интервью, собранных Докторовым, присутствуют и такие случаи, конечно, непреднамеренные: Ядов ошибся в дате какого-то события; неверно был назван, если не ошибаюсь, переводчик книги Гуда и Хатта. В последнем случае работу делали на разных этапах два человека: слово «переводчик» закрепилось в памяти респондента за одним из них. Из этого следует еще одна причина искажения данных – человек не всегда знает точно, что происходило во вспоминаемой им реальности.

Что же до software – причин для искажения действительности тут миллион, и среди них тоже немало непреднамеренных. Например, это подсознательное стремление сохранить свою идентичность – человек порой видит свой жизненный путь как прямую дорогу, по которой он, почти такой же, как сейчас, шел от начала до настоящих дней, и нынешнее положение вещей – единственно возможное и правильное.

Иногда логика разговора сбивает респондента, «подсказывает» ему ложные мотивы прошлых поступков; иной раз к этому же ведет необходимость что-то скрыть в своем рассказе – прорехи приходится штопать белыми нитками. В конце концов, человек просто может быть не очень склонен к рефлексии, неверно понимать и себя, и других.

Про сознательное искажение данных не стоит и говорить: стремление подать себя в определенном свете, «сыграть» определенный образ, например, образ ученого такого или иного типа. Сюда же можно отнести и составление композиции текста интервью после окончания и расшифровки беседы для финального его «представления», публикации. Работа производится часто и интервьюером, и респондентом, совместно или по очереди. Текст складывается из кусочков проведенной беседы (материала обычно бывают излишки). Как правило, большинство фрагментов оставляется, какие-то – отбрасываются, могут задаваться дополнительные вопросы, соответственно, появляться новые фрагменты текста. И так до тех пор, пока оба автора не придут к соглашению и общий текст не будет передавать заложенную в него обоими идею. (Конечно, здесь речь, прежде всего, о публикуемых интервью; но ведь то же можно делать и в процессе рассказа.)

Общий вывод – тот же, с чего мы начали. То, что говорит респондент – всего лишь версия событий, осложненная массой искажений, которые обусловлены, опять-таки, массой причин. Текст интервью можно положить в основу исследования, но следует дополнять его другими материалами – в меру их доступности и пригодности в данном случае.

**

Отметина 47. А. Алексеев – Н. Мазлумяновой и Л. Козловой. Копия – Б. Докторову, Р. Ленчовскому, Д. Шалину.

22.07.2011

Дорогие Лариса и Наташа!

Я рад (и даже горд!) тому, что дал вам повод для этих заметок о «правах социолога-интервьюера» и о типологии искажений в биографических интервью. Как остроумно заметила Лариса, даже если что-то из этого и очевидно, то «не грех записать и очевидное». Тем более, что в практике биографических нарративов или их организации (интервьюирования) слишком часто происходит вольное и / или невольное отступление от этих методологических, профессиональных и этических норм. (Это я уже не про интервью с социологами, а вообще – о биографических диалогах и дискурсах).

Еще, мне очень дорога прозвучавшая мысль, что настоящее биографическое интервью – это всегда не только «метод сбора материала», но и произведение искусства, где у каждого из партнеров (со-беседников, со-авторов!) , конечно, есть свои права и прерогативы, но не меньше значат и творческая способность, и экзистенциальная коммуникация (об этом лучше меня сказал бы Роман Ленчовский). Драма жизни претворяется в драматургии беседы. Биографическое интервью – настоящая «субъект-субъектная» социология (пользуюсь терминологией, предложенной моим покойным другом, социологом Сергеем Розетом), в отличие от «субъект-объектной» (где другой человек для социолога либо информант, либо объект изучения).

Наше критическое отношение к тому, что мы все делаем, понимание «пределов» (вспомним Владимира Николаевича Шубкина!) собственных познавательных возможностей (тем более – для отдельно взятого метода) есть страховка как от профессиональной эйфории, так и от излишней самоуверенности.

Отрадно при этом наше со-понимание, со-гласие - в глубинных измерениях общего предмета научных занятий и интересов. АА.

**

Отметина 48. Н. Мазумянова – А. Алексееву. Копия – Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Д. Шалину.

22.07.2011

Андрей Николаевич, спасибо за красивую концовку нашего диалога, сделавшую написанное мною более глубоким, чем изначально осознавалось. Наташа

**

Отметина 49. А. Алексеев – Н. Мазлумяновой. Копия – Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Д. Шалину.

22.07.2011

Дорогая Наташа! Ваш комплимент украшает автора не меньше чем адресата. Андр.
Ал.

**

VI. Наш круг все шире

Отметина 50. А. Алексеев - Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину

31.07.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

После небольшого перерыва мне захотелось подбросить полешек в наш не потухший костер. В частности, поделиться очередной своей композицией из биографических (и не только...) интервью нашей коллеги с деятелями науки и культуры.

С первой моей композицией такого рода вы знакомы: это 40 биографических интервью Бориса Докторова с коллегами-социологами (2005-2011). Она вошла в мою майскую рассылку. А теперь Борис из этого делает настоящую электронную книгу, которую, надеюсь, мы скоро увидим.

На этот раз я собрал вместе все расшифровки записей видеобесед из Интернет-проекта Любви Борусяк ["Взрослые люди"](#) на Полит.ру (2009-2011), Это было не так уж трудно: ведь все вывешено в Сети на упомянутом портале, только там упорядочено в хронологическом (контрхронологическом) порядке, а я сделал - в алфавитном.

Сама Любовь Борусяк определяет своей проект как "цикл видеобесед с классиками – учеными, деятелями культуры, общественными деятелями, ставшими национальным достоянием".

Там, как вы знаете, оказалось много социологов: Кон и Ядов, Шкаратан и Шереги, Шанин и Заславская, Гудков и Дубин, Левинсон и Долгий-Рапопорт, Гофман и Вишневицкий, а памяти Левады посвящена чуть не дюжина тематизированных интервью.

Не все, но большинство бесед являются по существу биографическими интервью, иногда они выстраиваются в серию из 2-3-4-х частей. Характерно название одного из таких "сериалов": "В поисках самого себя. Беседа с Григорием Соломоновичем Померанцем о его жизни (части 1, 2, 3).

Всего там около сотни видеоматериалов, а собеседников я насчитал 57 (на данный момент), что и позволило назвать композицию: "Любовь Борусяк и ее 55 собеседников".

Мне очень по душе эта работа коллеги. Она пересекается с тем, что мы до сих пор обсуждали, - и тематически, и методологически. Но это и совершенно особый жанр биографического интервью, черты которого, разумеется, обусловлены видеоспецификой, но и не только.

Сама Любовь Борусяк рассказывает о своем проекте в интервью, которая дала Борису Докторову в июне 2010 г., полтора года спустя после начала цикла "Взрослые люди" на Полит.ру. Не буду пересказывать: этот текст также вошел в композицию.

Мое резюме: наш "незримый колледж" - далеко не монополист даже в относительно узкой сфере истории социологии "в лицах". Нам есть чему учиться - и друг у друга, и у наших "смежников" (а хорошо бы и самому колледжу расширяться)

Пока ограничусь этими самыми общими замечаниями. Читайте или смотрите (по ссылке нетрудно включить и видеозапись) беседы с классиками Любви Борусяк на Полит.ру. Это увлекательно, информативно и поучительно.

Ваш - Андрей Алексеев

**

Отметина 51. Б. Докторов – Л. Борусяк

31.07.2011

Люба <...>, Андрей Алексеев <...> собрал все ваши интервью ...ничего себе! 4,5 млн знаков, 1774 страницы.. коллосально.. примите мои (думаю, и моих коллег) поздравления...

У нас здесь сложился незримый колледж : Алексеев, Лариса Козлова, Роман Ленчовский, Наталья Мазлумянова, Дмитрий Шалин и я. Любовь к биографиям нас связала (помните шлягер "Музыка нас связала...). недавно у нас по электронной почте прошли две дискуссии.. относительно того, можно ли сказать про нас "незримый колледж", и о типах биографических интервью.. будем рады, если вы найдете время и прокомментируете наши тексты.. всего наилучшего, Боря

**

Отметина 52. Л. Борусяк – А. Алексееву

31.07.2011

Здравствуй, Андрей!

<...> А проект мой закрыт, выдадут несколько уже записанных интервью и все. Так что ваш титанический труд оказался как раз вовремя - подведением итогов. Сейчас

думаю, вдруг где-то еще удастся продолжить, но это вряд ли. Не исключено, правда, что изменится ситуация, и он вернется на "Полит.ру".

Люба

**

Отметина 53. А. Алексеев – Л. Борусяк

31.07.2011

Очень жаль, что проект закрыли. Признаться, не понимаю, почему. Но не буду допытываться. Я тоже про себя пошутил: "во-время успел". Ну, надеюсь, видеозаписи в архиве сохраняются. Хоть впору теперь и их собрать на каком-нибудь диске. Но конструкция архива Полит.ру сама по себе такой технической возможности не предоставляет. Вот это был бы действительно титанический труд. А коллекция текстов - это технические пустяки.

Искренне Ваш - Андр. Алексеев

P. S. "Взрослые люди", в полном объеме, размещены также на Яндекс.Народ.ру: <http://narod.ru/disk/20524092001/Borusjak%20L.%20Adult%20people%20bc.doc.html>. (При скачивании заводить у себя "Яндекс.бар", как это предлагает машина, не надо).

Кстати, "40 биографических интервью, взятых у коллег-социологов" Бориса Докторова - там же:

<http://narod.ru/disk/12987189001/Doktorov%20B%20Interviews%20with%20Colleagues.doc.html>. АА

**

VII. О доверии к рассказам о себе

Отметина 54. А. Алексеев – Л. Борусяк, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Маздумяновой, Д. Шалину, В. Шляпентоху

7.08.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Волею обстоятельств наш круг дискутантов расширился, даже без наших особенных усилий.

Дело в том, что Владимир Шляпентох, ознакомишься со статьей Д. Шалина, опубликованной в питерском журнале «Телескоп» (2011, № 3) - «[В поисках нарративной идентичности...](#)», откликнулся на нее в своем [Шляпенто/s блоге](#) заметкой «[Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?](#)» Как статья Шалина, так и отклик Шляпентоха – прямо по теме нашей групповой переписки, и грех не включить по крайней мере этот отклик в орбиту нашего обсуждения.

(Что касается статьи Д. Шалина, то она, понятно, не укладывается в формат нашего обмена репликами, однако с ней нетрудно ознакомиться в Сети, на сайте «Международная

биографическая инициатива», даже в двух видах: версия html - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html и чуть сокращенная – «телескоповская» версия pdf - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf).

Поэтому я пересылаю вам эти заметки Владимира Шляпентоха, заодно - и со своим кратким комментарием. (Для развернутого комментария сейчас нет времени, а здесь – места).

Ваш – Андрей Алексеев.

**

Отметина 55. [Шляпентох's блог](#)

<http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/08/07/%d0%bc%d0%be%d0%b6%d0%bd%d0%be-%d0%bb%d0%b8-%d0%b1%d0%b5%d1%81%d1%82%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%be-%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%80%d1%8f%d1%82%d1%8c-%d0%b0%d0%b2%d1%82%d0%be%d0%b1%d0%b8/>

Август 7, 2011

Владимир Шляпентох

Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?

Поводом для написания этих заметок стала статья известного американского социолога Дмитрия Шалина, опубликованная в предыдущем выпуске «Телескопа» [1] и на сайте американо-российский проекта «Международная биографическая инициатива» [2]. Проект посвящен истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода, и его руководителями являются Борис Докторов и Дмитрий Шалин. Коллекция, собранная на сайте, включает свыше 150 биографических интервью с российскими социологами разных поколений и множество статей. Эти материалы активно используются Шалиным.

У меня есть некоторые расхождения с Дмитрием по поводу трактовки интервью из упомянутого проекта, которые он анализирует в своем тексте. Как мне кажется, он сильно переоценивает материалы, полученные с помощью биографического метода. Это же делают и другие западные социологи, рассматривающие автобиографические интервью и “дневниковый метод” как важный источник о жизни людей в настоящем и прошлом, игнорируя при этом органические слабости указанных методов. (См. например, Smith R., Manning P. (ed.), *A Handbook of social science methods, vol.2 Qualitative Methods*, Cambridge: Ballinger, 1982); Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. (ed.), *The turn to biographical methods in social science: Comparative issues and examples*. London, UK: Routledge. 2000; Merrill B., West L. *Using Biographical Methods in Social Research*. Thousands Oaks, CA: Sage, 2009).

Дмитрий и его коллеги поразительным образом склонны, как правило, доверять своим собеседникам как людям, желающим и могущим снабдить их фактами о том, если использовать знаменитые слова немецкого историка 19 века, “что было на самом деле” в прошлом.

Между тем поклонники биографического метода абстрагируются от того, что их респонденты переполнены в момент интервью (как впрочем и в тот период, о котором они вспоминают) пристрастиями, преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей. Они являются жертвами своего всепильного желания рационализировать свое поведение и свои мысли (эффект *desirable values*). Респонденты просто не в состоянии во многих случаях выдать правдивую информацию, в особенности о том, какие были у них оценки или мотивы тогда и сейчас. Впрочем, сторонники биографического метода с розовыми представлениями о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду” по сути порождены американской эмпирической социологией, которая в целом и по сей день отличается удивительно романтической верой в природу человека и, в частности, в его стремление быть честным со всеми и в том числе с социологами. Этот наивный взгляд большинство американских социологов разделяют с американской либеральной идеологией в целом. Об этом я писал в своей недавней книге *Fear in contemporary society: its negative and positive effects* (New York: Palgrave Macmillan, 2006).

Отсюда и наивная вера подавляющего числа американских социологов в то, что объективная реальность и ее образы в сознании респондентов тождественны, и никаких проблем в трактовке их ответов не существует. Не менее сомнительна и другая, пост модернистская позиция в современной социологии, которая с ее релятивизмом исходит из того, что “все реальности”, существующие в сознании респондентов равноценны друг другу и понятие “объективности” безнадежно устарело. Если придерживаться этих взглядов, то тогда все претензии к Дмитрию и другим поклонникам “качественной социологии” полностью снимаются, и все материалы, полученные с помощью интервью, обладают самодостаточной ценностью. Но я придерживаюсь, иного видения мира – объективная реальность существует, но к ней крайне трудно добраться. По правде говоря, это видение, сознательно или подсознательно, разделяется большинством американских социологов, работающих с эмпирическим материалом и действительно стремящихся узнать вопреки инфекции релятивизма, что на самом деле происходит в обществе и что думают и знают рядовые американцы.

Поразительно, что молодая и неопытная советская социология 60-70 годов была намного более зрелой в понимании взаимодействия интервьюера (или анкеты) и респондента, чем смотревшая на нее тогда сверху вниз американская социология со всеми ее кумирами, включая великого Джорджа Гэллапа, который начисто не интересовался готовностью его респондентов говорить правду. Этим своим преимуществом только что родившаяся советская социология была парадоксально обязана тоталитарному характеру советского общества и роли идеологии в обществе. И поэтому советские социологи были более “продвинутыми” в понимании природы респондента, чем те, которых они считали, имея на то основание, своими учителями. Борис Грушин со своими 47 пятницами (1969) – своего рода учебник по методологии опросов – был полон недоверия к своим респондентам, и в знаменитом «Таганрогском проекте» придумал десятки методик для отфилтрации стоящей информации. Впрочем, автор этого текста также глубоко сомневался в правдивости респондентов, и в своих общесоюзных опросах разрабатывал, подобно Грушину, разные пути получения максимально искренних ответов (насколько это было возможно). Этот опыт изложен еще в начале 70-х (См.: Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: 1973).

Между тем, авторы американских учебников по методологии опросов в своем большинстве избегают даже упоминать при характеристике респондентов такие термины, как “искренность”, “ложь”, “ложные ответы”. Очень мало американских социологов пытается выяснить влияние “желательных ценностей” на ответы респондентов, когда они спрашивают своих соотечественников об отношении к социальным институтам или зарубежным странам. Этого не делали даже ведущие эмпирические социологи страны, как

например, бывший президент Американской социологической ассоциации Мелвин Кон, автор знаменитых книг *Class and conformity* (1969) and *Change and Stability: A Cross-National Analysis of Social Structure and Personality* (2006), а также многих статей, в которых обсуждается отношение к труду людей в разных странах. Казалось бы, М. Кон должен был озаботиться влиянием *desirable values* на ответы его респондентов, особенно образованных, умеющих лучше других приспособливать свои ответы к господствующей в их среде идеологии. Однако ответы респондентов принимались им без всяких сомнений. Также поступал и Рональд Ингледард, руководитель известнейшего проекта “Мировые ценности” (*Value Change in Global Perspective*, University of Michigan Press, 1995), который без всяких хитростей спрашивал жителей в авторитарных странах, что они думают о власти, насколько они доверяют официальным ценностям и т. п. Проект, посвященный истории советской социологии, о котором идет речь здесь, разделяет слабости работ этих крупных американских ученых.

Однако, я против крайностей и не считаю материалы интервью с социологами загрязнением информационного поля, хотя некоторые интервью, обсуждаемые Дмитрием, “экологически” вредны как любая дезинформация, требующая немалых затрат для ее очистки.

В биографическом интервью, подобно другим историческим источникам, содержатся два типа данных, хотя и сильно переплетенных: фактологические и ценностные. Как и в массовых опросах, первый тип информации имеет сравнительно высокую эмпирическую валидность. Сведения о фактах жизни социологов – авторов интервью – более или менее заслуживают доверия, хотя прежде чем пустить их в оборот, например, включить в учебники и монографии об истории социологии в России или даже в статью, подобную написанной Дмитрием, нужно соблюдать минималистский принцип американской журналистики. Факт может быть использован только, если хотя бы два источника его подтверждают. Строго говоря, Дмитрий не имел право идти на риск “загрязнения” информационного поля истории социологии, цитируя интервью Бориса Раббата без хотя бы слабой проверки (например, опросив тех, кто знал его), о том что он “был избит сотрудниками КГБ за отказ сотрудничать с органами”. Это – утверждение, делает его почти героем. Кто еще из социологов мог включить такое событие в послужной список своего противостояния советской системе, хотя почти все они старались доказать свой неконформизм в их советском прошлом? Возможное возражение – нет ресурсов для проверки этого утверждения – не работает. Если нет такой возможности, не включай в свою статью это заявление Раббата.

Однако множество других сведений из интервью, на которые ссылается Дмитрий, подтверждаемые другими источниками, заслуживают перехода из ранга первичной информации на стадию анализа и интерпретации. Такие как: Игорь Кон был в Голландии в 1965 году и вернулся; Галина Старовойтова, Леонид Гордон, Галина Саганенко, Александр Гофман, Олег Божков, Сергей Чесноков, Леонид Ионин, Алексей Левинсон, Георгий Щедровицкий были беспартийными; Юрий Левада был секретарем парторганизации в институте социологии; Владимир Ядов, став директором института, распорядился отдать комнату партбюро Института какому-то подразделению и приказал убрать в подвал бюст Ленина с площадки второго этажа.

Но есть второй тип утверждений социологов, которые сильно зависят от желательных ценностей в тот момент, когда они «исповедовались» Докторову и Шалину. Это прежде всего мотивы их поведения и их рассказы об эволюции их взглядов за последние 20-30 лет, в течение которых произошла радикальная смена общества, появились новые социальные стимулы поведения и один тип конформизма сменился другим.

Социальная психология за последние сто лет предложила десятки теорий о мотивах поведения человека (некоторые из них – блистательные), однако она проявила почти полную беспомощность (тест Роршаха или разные прожективные тесты

попрежнему на вооружении, как и некоторые другие примитивные методики) в выяснении того, какие действительные мотивы стоят за поведением конкретных людей. Можно ли отделить друг от друга, опираясь на высказывания респондентов, причем таких интеллектуально изоощренных людей, как советские социологи, прошедшие в своей жизни огонь и медные трубы, имевшие дело с КГБ и парторганами, их главные мотивы от второстепенных? Как взвесить роль отдельных главных мотивов, если их несколько? Как сепарировать реальные мотивы от мотивов мнимых, упоминаемых социологами, чтобы облагородить в соответствии с новой идеологией в России или Америке, причины их важных решений?

По сути выявление реальных мотивов поведения недоступно современной науке. Что она может, например, сказать вразумительного, кроме как не верифицируемые тривиальности о мотивах поведения Сталина, Ельцина или Путина равно, как и поведения американских бизнесменов до и вовремя последнего кризиса (этот вопрос страстно обсуждается сегодня в американской научной литературе и медиа, но без всякого успеха)? По сути только большие романисты типа Томаса Манна или Лиона Фейхтвангера имеют моральное право рассуждать о мотивах поведения людей. Именно поэтому так привлекателен бихевиоризм, предлагающий изучать только поведение и не тратить силы на исследование ценностей и мотивов. Другое дело, что ответы о мотивах всегда полезны, как один из источников информации, позволяющих что-либо понять о ценностных ориентациях, об идеологических пристрастиях респондентов и о способах их приспособления к реальности в момент интервьюирования, но уж никак не о реальных мотивах три десятилетия в прошлом. Кстати, для этих целей полезно изучать какие мотивы люди приписывают “другим” – attribution of motives — достойная область социальной психологии.

Без оглядки на механизм рационализации мотивов Шалин ставит задачу “проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов, покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых”. Интервью, если бы они были взяты даже в момент эмиграции, требуют, мягко говоря, максимальной критичности, а вот спустя 20-30 лет требует изоощренных методов, чтобы отделить первоначальные мотивы (если предположить, что мы можем это сделать) от всех наслоений последующих десятилетий. Но как можно вводить в оборот без перекрестной проверки то, что сказали в 2010-2011 годах интервьюерам Владимир Шляпентох, Эдуард Беляев, Борис Докторов или Борис Раббот об их мотивах эмиграции? А какова уверенность, что действительно Юрий Левада говорил правду спустя три десятилетия после массового отъезда, что у него не было ни разу мыслей об эмиграции, весьма полезного утверждения в той России, когда он говорил об этом? А можно ли вот так принимать на веру, что Игорь Кон потому не остался в Голландии в 1965 году, что у него была “начатая работа”.

Столь же сомнительны данные, пока они не прошли какой-либо, хоть поверхностной проверки, о мотивах вступления наших социологов в КПСС. Ведь чего только не придумывали эмигранты, приехавшие в США, чтобы объяснить свое членство в партии, если они не сумели скрыть его.

Еще ближе к “загрязнению” информационной среды ответы об идеологической эволюции социологов. Дмитрий, однако, уверен, что по мемуарным текстам “можно проследить эволюцию правоверного коммуниста во внутренне свободное, а со временем и политически независимое, человека”. Ни слова об изоощренной адаптации психики бывшего партийного активиста к новой реальности, враждебной прежней идеологии, и его поисках для себя и особенно других доказательств “искренности” и тогда, когда он был пламенным марксистом – ленинцем, и теперь, когда он в авангарде антикоммунизма и вместо Маркса обильно цитирует Хабермаса и особенно Бурдьё. Только в том случае, когда “эволюция” сопровождалась потерями и жертвами (Андрей Сахаров, Михаил Горбачев) можно говорить о реальной эволюции мировоззрения, но никак не в случаях

Дмитрия Волкогонова или Александра Яковлева, которые сильно преуспели, став врагами Маркса и Ленина и социализма в целом.

Поразительно, что социология игнорирует и по сей день опыт исторической науки. Ведь уже в 1556 году французскому историку Жану Бодэну было ясно, что, только сравнивая источники друг с другом, можно надеяться на получение полезной информации. В 1898 два французских историка Ланглуа и Сейнбос (Langlois & Seignobos) в их книге “Введение в исторические исследования” сформулировали семь правил, соблюдение которых дает право исследователю вводить в оборот новый факт. Было бы прекрасно, если бы все социологи в обязательном порядке изучили эту книгу столетней давности и поняли, как трудно вводить в социальную науку новые факты. Все три француза и немец Леопольд Ранке, в середине 19 века также внесший важный вклад в методологию истории, не имели понятия об “информационном шуме” или о “загрязнении” информационного поля, однако они интуитивно понимали, что надо делать, чтобы историк или социолог хоть частично мог оперировать данными, похожими на те, которые использует экспериментальная наука.

1. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3. С. 13-23, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html.

2. [Международная биографическая инициатива](#)

**

Отметина 56. А. Алексеев – Л. Борусяк, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Маздумяновой, Д. Шалину

7.08.2011

Итак, обещанный комментарий, или отклик.

Главное что я хотел бы сейчас сделать – это солидаризоваться с основной мыслью В. Ш.: Да, нельзя бестрепетно доверять ни автобиографиям видных людей (как, впрочем, и «не видных» тоже), ни массовым опросам (как, впрочем, и практически любым источникам социологической информации).

Для тех, кто знаком с трудами В. Э. Шляпентоха, уж не говоря о тех, кто знает его лично и хотя бы отчасти им научен (обучен), это стало уже «общим местом»: проблема достоверности информации (хоть «качественной», хоть «количественной») - это ключевая методическая проблема социального исследователя. Причины, мотивы, способы, обстоятельства искажения социальной реальности, выступающей объектом наших штудий, столь многообразны, что устранить, погасить, исключить, застраховаться от них нельзя, а можно только лучше или хуже их контролировать и минимизировать.

А уж в том, что касается такой субъективной «материи», как индивидуальная человеческая память, да еще память о «себе любимом», то тут нечего и ожидать какой-то «нейтральности», беспристрастности, хотя в принципе не исключена (у отдельных людей) способность к трезвой самооценке, обостренная совесть, готовность «судить себя самому».

Большинство средств контроля и критериев достоверности автобиографического нарратива лежат вне данного источника - автора и героя биографии (например, документы, архив, сведения и мнения, полученные от других людей). Но есть и «внутренние» критерии: это наличие / отсутствие «позы», соотношение информации «о

себе» и «о других», баланс терпимости к чужому мнению и готовности отстаивать свое, непротиворечивость повествования. Есть автобиографические тексты, которым безусловно веришь целиком, есть - вызывающие сомнение в отдельных местах, есть - когда ясно: «все врет, и не краснеет».

Однако в одном отношении автобиографический нарратив, а, соответственно, и биографическое интервью является почти всегда адекватным (достоверным). Это – неосознаваемый (или лишь частично осознаваемый) автопортрет личности, «изъявление себя», каким сложился к моменту этого рассказа, в том числе – в итоге всей описываемой жизни и карьеры. Другое дело, как из этого «образа» собеседника, создаваемого содержанием, формой и стилем изложения, «считывать» биографическую информацию, точнее – информацию о том, где и насколько представленная рассказчиком картина отличается, не совпадает с реальностью, какой последняя может быть отображена лишь коллективными усилиями.

Это – достигается опытом, наукой и искусством исследователя.

Должен заметить, что все эти соображения (и о плюрализме методов с их спецификой, и об ограниченности всякого метода, взятого сам по себе, и о поиске истины на пересечении результатов, полученных разными методами и / или из разных источников) так или иначе прозвучали и в настоящей дискуссии.

...Как-то не верится мне, что эти в общем-то элементарные истины неизвестны тем, кто занимается биографическими исследованиями. Но именно в забвении этих истин Шляп упрекает сторонников («поклонников»; гм!) биографического метода, которые будто бы являются носителями «розовых представлений о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду”». И вот тут, мне кажется, его, В. Ш. неправота.

В. Ш. исходит из ошибочного предположения, что обращение исследователя к биографическому методу (в частности для изучения истории науки) равнозначно объективному предпочтению им этого метода перед всеми другими. Между тем, это всего лишь личный выбор, субъективное предпочтение, занятие определенной «культурной ниши» в наукознании (или, может быть, в изучении социума вообще). «Личностное науковедение», или история науки «в лицах» невозможны без обращения к личности ученого, со всем ее субъективизмом, рационализацией мотивов, desirable values и т. д.. Но этой сферой и не может быть замещена вся история и социология науки.

Таким образом, В. Ш., как мне кажется, "размашисто" приписывает всем приверженцам биографического метода его абсолютизацию и «апологетику», что заведомо не так. Т. е., в известном смысле, он оппонирует не кому-нибудь, а своему "образу оппонента".

Не стану углубляться в детали полемических замечаний В. Ш. Как правило, он во всем прав, кроме выбора адресатов своей критики. Вместе с тем, не стоит ее игнорировать. Как остроумно заметила одна из наших коллег, «Все сказанное — очевидно. Хотя иногда кажется, что не грех записать и очевидное».

...Между прочим: не знаю от кого пошла легенда, что Г. Щедровицкий был беспартийным. Он был членом КПСС с 1956 по 1968 г. и исключен за "подписанство". Вполне достойная "партийная карьера".

В заключение, замечу, что дискуссия эта о биографических интервью и истории социологии «в лицах» – далеко не первая в нашем кругу. Наш «незримый колледж» зародился в 2006-2007 гг.

И вот, вспомним переписку (сейчас укажу только этот жанр) [Б. Докторовой и Л. Козловой, с моими комментариями ее в письмах к Б. Докторову](#) (2007), а также [переписку Д. Шалина с Н. Мазлумяновой](#) (конец 2006 г.). Еще раньше – [переписка А. Алексеева с Б. Докторовым, Н. Мазлумяновой и Б. Докторовой, Д. Шалина с Б.](#)

[Докторовым](#) (начало 2006; у истоков сайта «Международная биографическая инициатива»). Все это давно висит на упомянутом сайте. (Так получилось, что я перечислил эти материалы в обратном хронологическом порядке).

На этом завершаю свой торопливый комментарий к заметкам Владимира Эммануиловича. Что скажете, друзья?

Андр. Ал.

**

VIII. Взгляд жесткого оппонента

Отметина 57. А. Алексеев – Л. Борусьяк, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину, Б. Фирсову, Б. Вульфовичу

15.08.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Я нечаянно становлюсь в нашей чуть притормозившей групповой переписке-дискуссии главным поставщиком новой фактологической информации.

Вот, недавно от Дмитрия Шалина узнал о существовании еще одного отклика если не непосредственно на нашу дискуссию, то на последнюю статью Димы в «Телескопе» - «В поисках нарративной идентичности...»

(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html или http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf), которая, в сущности, о том же самом - о предмете интересов и занятий нашего «незримого колледжа», а именно: о биографических нарративах и их познавательных возможностях.

Этот новый отклик – "[Замечания по поводу интервью социологов и на статью Д. Шалина](#)" Эдуарда Беляева, недавно помещенные на сайте «Международная биографическая инициатива». Может, кто из вас об этом уже знает.

Отклик Э. Б. достаточно велик – около 7 страниц, и я не буду рассылать его, благо есть сетевая ссылка. Но, признаться, и рука не поднимается воспроизводить, среди прочего, резко негативное и никак не обоснованное мнение об одном уважаемом мною человеке (сразу оговорю, что я имею в виду не Парыгина, который тоже там фигурирует).

Сообщая мне об этом материале, Дима заметил: «Эдик еще более критичен, чем Шляпентох в вопросе о возможностях автобиографического повествования. Тут есть, с чем согласиться, и с чем поспорить».

Я же написал Диме: «Мне не близко столь нигилистическое отношение к биографическим нарративам, хотя и я предпочитаю судить о людях больше по их делам, чем по словам (тем более относящимся к себе самим). <...> Солидарен я с автором и в том, что биографический метод служит познанию общества больше, чем персон».

Ну, на Ваш суд.

**

(Позднее, уже в конце августа, перед помещением нашей групповой переписки на сайте МБИ, Борис Докторов переслал мне этот текст Эдуарда Беляева, с просьбой вставить его в дискуссию в подходящем месте, т. е. сообразно с хронологией. Что и делаю. - А. А.)

Отметина 58. Э. Беляев – Д. Шалину

13 августа 2011

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/beliaev_interview_11.html

Э. Беляев

Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина

Я читал только некоторые интервью, собранные МБИ. Отчасти потому что история советской социологии меня не слишком занимает, отчасти потому что у меня совсем нет склонности заниматься анализом того, кто что сказал, кому и когда, и верно ли это. Я считаю, что подобного рода деятельность совершенно бесплодна. Мы все прекрасно понимаем, я думаю, что воспоминания людей, особенно без опоры на документы, и тем более мотивации людей могут служить источником бесконечных спекуляций, и я не хочу принимать в этом никакого участия. Часто в интервью мы находим ошибки (и часто идет рассуждение на тему о том была ли это случайная ошибка или намеренная, или бессознательная, чтобы выгородить себя и т.д.). Некоторые ошибки проверить нельзя. Но некоторые можно легко, по документам. Например, в одном из интервью говорится, что Павел Буторин вышел из комсомола по возрасту. Но Павел родился в 1948 году, а события, о которых идет речь, происходили в 1974, т.е. по возрасту он не мог выбыть из комсомола. Его должны были выгнать, что и произошло. В другом месте говорится, что отъезд Э. Беляева сильно повлиял на дальнейшие события (действия с Буториным и Шалиным). Однако, Беляев выехал только в 1976, после отъезда Буторина и Шалина. Но дело, на мой взгляд, не в этих ошибках. Пусть остаются. Они мне не мешают. Но во всем этом деле есть много других фактов, которые для меня имеют значение. Например, П.Буторину на момент отъезда было 26 лет, и он не занимал никаких важных постов. Однако он и его семья в течение полугода вплоть до отъезда и задолго до подачи документов на выезд подвергались преследованиям (повседневные, по несколько раз в день угрожающие звонки, очевидная наглая слежка за ним и его семьей, члены которой тоже не занимали никаких постов и не знали никаких секретов, и т.д.). Вот этот момент для меня очень важен, потому что это социальный момент, показывающий работу социальных институтов в Советском Союзе. Если прибавить к этому, что за мной тоже была установлена слежка в течение нескольких лет и что таких случаев было на самом деле много, то мы видим паттерн (повторяемость, “закономерность” на советском марксистском языке). А это уже факт для анализа общества.

Дмитрий Шалин также пишет, что есть мотивации “до” действия и “после” действия. Опять, мне как-то безразлично. Мы все интуитивно давно понимали, а теперь это доказано и экспериментальными психологами, что человеческие действия совершаются в большинстве случаев бессознательно и потом подкрепляются словами (мотивами). Человеческие действия (а я осмелюсь заявить, что также и действия животных) бесконечно сложны по источникам и последствиям. “Бесконечно” сложны буквально в математическом значении этого слова. Заниматься распутыванием этого бесконечного клубка - абсолютно безнадежно. Это может быть хорошим развлечением, но

не более того. В этом распутывании клубка значительную роль, конечно, играют мотивации и отношения людей друг к другу. Например, я помню собрание, которое должно было дать мне характеристику в ОВИР для подачи документов на выезд. На собрании среди прочих присутствовали Парыгин и Здравомыслов, которых я никогда не любил, а Парыгин, на мой взгляд, был просто интеллектуальным ничтожеством. Теперь, по моим воспоминаниям этого собрания это были именно они, которые вели себя наиболее гнусно (по моим представлениям) и которые в то же самое время менее всего теряли, если бы вели себя более прилично (в рамках элементарной морали). Самым приличным во всей этой истории был В.А. Ядов, который терял более всего от своего приличного поведения. Спрашивается, они в самом деле были наиболее гнусными или моя проекция моей нелюбви к ним, оставила в моей памяти такой след? Я не знаю. Я только знаю, что мое презрение к Парыгину было до этого собрания и осталось бы после него, даже если бы он вел себя более прилично. Это чисто личная компонента в человеческих отношениях, как говорят по-английски – “химия”. Не сошлись характерами, так сказать. Имеет ли это какое-то значение для истории социологии? Я не думаю. Гораздо более важен феномен самого собрания как такового. (Замечу здесь в скобках, что я ни в коем случае не собираюсь делать обобщение об этих людях и говорить, что они плохие. Мы все и хорошие и плохие одновременно.)

Разрешите дать еще один пример из совсем другой сферы, но в плоскости той же идеи, на случай если я нехорошо выразил свою мысль. Мы каждый день читаем в газетах разъяснения “экспертов”, называемых себя “политологами”, как надо понимать ту или иную фразу высшего чиновного лица. Предполагается, что они залезли в голову этого лица и раскрыли тем самым все секреты политики и что нас ожидает. Но достаточно поставить рядом высказывания разных экспертов по одному и тому же поводу, чтобы видеть, что это в большинстве случаев гадания на кофейной гуще. Безусловно, эти гадания играют свою социальную и политическую роль. Но думать, что мы при этом узнаём, что думает или хочет тот или иной ответственный чиновник, я думаю, все согласятся, что это было бы довольно наивно. Вот точно то же самое я думаю об интерпретациях интервью, которые мы обсуждаем.

Далее, Дмитрий говорит также о каких-то выборках из собственных биографий респондентов (“репрезентативность выборки событий”, “эпизодическая структура автобиографического повествования”). На мой взгляд, это относится к тому же, что описано в предыдущем абзаце. Герменевтика (пусть и очень уважаемая в академических кругах “наука”) или не герменевтика, но мне эти интеллектуальные конструкции ничего не дают: мы как не знали, что “на самом деле” думал человек и как он принимал решение, так и не знаем, просто потому, что человек, о котором идет речь, сам этого не знает. Так что я предпочел бы обойтись без этой “науки”.

Означает ли это, что я полностью отвергаю полезность интервью? Нет, ни в коем случае. Кроме того, что интервью позволяет увидеть человека (если кому-то это интересно), дать кому-то личную субъективную оценку, оно также дает материал для обобщения этих интервью (или отдельных высказываний) для построения картины прошлого или настоящего общества. Например, из многих интервью, а также печатных материалов, вырисовывается одна любопытная идея, господствовавшая в 1960-е годы и несколько позже: вступить ли в партию (КПСС), чтобы изнутри изменять общество, бороться за лучшее общество, т.к. извне сделать ничего невозможно. Современному человеку, независимо от возраста, это хорошо известно и понятно. Примеров подобного рода поведения пожилых и молодых людей сегодня каждый читатель может набрать огромное количество. На основании подобного сравнения каждый волен строить какие угодно конструкции относительно государства российского. Это также дает хороший материал для понимания человеческой психологии. Этот феномен в разной степени и

окраске существует конечно не только в России. Но вопрос в том, почему в России мы видим не только повторение этого типа поведения, но также и в том, почему этот тип поведения имеет такое большое значение и в судьбе отдельного человека и во всей социальной и государственной ткани страны.

Что касается подобных высказываний (или убеждений) в 1960е -70е годы опять-таки можно долго рассуждать насколько такое убеждение (бороться за лучшее общество изнутри, будучи членом правящей партии) было искренним у данного человека, насколько оно было защитой неприличного (аморального) поведения и т.д., можно вытаскивать различные подтверждающие документы и строить портрет человека, положительный или отрицательный в зависимости от симпатий (явных или скрытых) автора, который строит такой портрет, но с моей точки зрения это ничего не дает для социальных наук, в лучшем случае что-то дает для истории или биографии, или художественной литературы. Подобного рода портреты – это обыкновенная интеллектуальная конструкция, мало имеющая отношение к реальному поведению людей. Опять-таки, читатель может найти сотни собственных примеров.

Но когда ты видишь, что в 2009-2011 годах люди говорят по сути те же вещи в оправдание своего поведения как и 40-50 лет назад (“вступаю в Единую Россию потому что там хоть что-то можно сделать”), то это уже социальный феномен, который можно и нужно исследовать. Это - паттерн. И значит это можно анализировать. В совокупности с другими высказываниями и документами это дает хорошую картину российского общества и государства. На эту картину некоторые (в том числе авторы многих интервью, записанных Дм. Шалиным и Б. Докторовым) накладывают чисто идеологические оценки, в том числе напоминают о социальной ответственности и честности людей. Я готов согласиться с этими оценками: если б люди были ответственны, честны, мы избежали бы многих ужасов и гнусностей Советского периода. И есть много примеров, когда люди именно так честно и поступали в других обстоятельствах (например, при своих публикациях). И можно долго и умно рассуждать на эту тему и показывать смелость отдельных лиц или наоборот их трусость и лживость, но это пустая забава. Что важно, с моей точки зрения, так это то, что общая социальная и политическая ситуация была такова, что идеологическая (и моральная) честность и ответственность в том обществе и в нынешнем российском обществе сильно расходилась с другими вариантами морали и идеологии, которых придерживались некоторые индивиды, и не придерживаться официальных вариантов тогда было очень опасно, а теперь просто невыгодно для отдельных индивидов. Поэтому человек поступает в соответствии со своей выгодой или в соответствии с тем, как он понимает свою безопасность, а потом в соответствии с концепциями совести (тоже социально одобренная концепция) придумываются различные объяснения и мотивы. Спрашивается, зачем социальному ученому конкретное высказывание и конкретное поведение конкретного лица, если он не собирается искать паттерны среди тысяч других высказываний совсем других людей? Только поиски таких паттернов имеют смысл и дают возможность для анализа общества.

В этом смысле собранные интервью социологов на самом деле очень ценны, если мы не будем заниматься личностями интервьюируемых, заниматься тем, что кто кому сказал и насколько это правда. Эти интервью в их совокупности создают хорошую картину того, на каком фоне развивалась советская социология и каковы были её интеллектуальные корни, каков был интеллектуальный и психологический климат в стране. Это создает также хорошую картину советского общества того периода. Только это имеет для меня смысл, а не разбор отдельных интервью. Но в этом интересном материале требуется найти повторяющиеся мотивы и идеи, чтобы элиминировать индивидуальные особенности.

В более широком плане я хотел бы заострить внимание читателей на то, что гуманитарии, а также социологи и экономисты мало обращают внимание на некоторые

факторы, которые позволяют многое объяснить. Я имею ввиду биологические и социально-биологические факторы, а именно физиологию (или, если хотите, наследственность) и демографию. Конечно, специалисты (биологи, психологи, демографы, а также бизнесмены) изучают не только сам предмет, но и возможные социальные последствия этих факторов. Но сами социологи (в меньшей мере экономисты) почти не касаются этих факторов, считая по-видимому, что они находятся вне сферы их дисциплин. На мой взгляд, это грубейшая ошибка. В статье Дмитрия Шалина есть намек на важность характера человека. Но этого недостаточно.

Когда я говорю о физиологии, я имею ввиду прежде всего активность, энергию. У разных людей существует разный энергетический уровень: некоторые люди брызжут энергией, а некоторые не обладают достаточным уровнем энергии (активности). В обществе эта энергия проявляет себя по-разному: человек может быть энергичен в одной области и пассивен в другой (здесь уже можно говорить о талантах). Но важно то, что употребляя доступную ему энергию, т.е. будучи активным в какой-то области, человек добивается соответствующей ступеньки в обществе. И именно этим объясняются многие вещи, которые в устах интервьюируемых здесь обретают идеологическую, моральную или другую объяснительную окраску. Я, разумеется, отдаю себе отчет, что на самом деле поведение людей и их взаимодействие с обществом бесконечно сложнее, чем то, что я описываю. Однако, не принимать во внимание эту активность нельзя, потому что она лежит в фундаменте всех человеческих действий. Активные люди используют разные доступные им в данном обществе инструменты, чтобы подняться по социальной лестнице. Поэтому можно обвинять некоторых людей, которые добились какой-то ступеньки, в аморальности и даже преступности, но они использовали те социальные инструменты, которые были им доступны. Это на мой взгляд объясняет поведение многих людей, которых мы критикуем или просто не любим. На самом деле с точки зрения социологии, критиковать нужно не этих активных людей, а общество, которое предоставило им эти инструменты. Заметьте также, что эти люди, но также и мы, которые их критикуем, участвовали в легитимизации этих самых инструментов. Иначе говоря, это замкнутая система, это проблема курицы и яйца. Как выйти из этой системы – это другой вопрос. Очевидно, что существует множество выходов, и все они базируются на идеологии человека, предлагающего такой выход. А для съедобности обществом привлекаются всякого рода “научные” данные.

Конечно, активность – это не единственное качество личности, имеющее социальную значимость. К этому можно также прибавить темперамент, врожденную доброту или эмпатию к другим лицам (которая выражается в соответствующей морали), физическое здоровье и другие качества, имеющие физиологическую основу, но получающие социальное выражение.

Огромное значение имеет возраст в личном поведении, а также распределение возрастов по стране, т.е. речь идет о демографической структуре и демографической плотности населения по стране. Обычно социологи склонны отдавать эти вопросы демографам или иметь их ввиду при исследовании социально-экономических вопросов отдельного предприятия или экономического района. Однако вопросы демографической структуры и плотности имеют прямой выход на многие вопросы, касающиеся общества в целом и его политической структуры и устройства. Так, присутствие бывших советских работников в нынешней власти на всех уровнях объясняет практически всё в том, что сейчас происходит в стране. И отсюда с самого начала была необходимость принятия закона о люстрации. Блестящим примером к этому является заявление - и ностальгия одновременно – товарища Нургалиева (который министр) в начале августа 2011 о том, что необходимо “изучать”, что читают и какую музыку слушают молодые люди (и танцуют ли они вальс). Можно было бы только смеяться этому заявлению, в котором выражается забывчивость товарища, что на дворе не 1950, а 2011 год и на улице другая экономика,

технология, другие институты, другие отношения между людьми, другая психология и т.д. Но товарищ не один и стоит очень высоко, а следовательно, последствия этой “забывчивости” могут быть очень драматичными. Каждый наверное может привести десятки подобных случаев. Конечно, говоря о люстрации в России не следует забывать и другую сторону этого вопроса – нехватку подготовленных к руководству людей. Но это уже совсем другой вопрос, выходящий за рамки заданной мне темы.

Обсуждение этих методологических проблем и всех сложностей, связанных с этим, конечно, выходит за рамки заданной темы по обсуждению интервью. Для этого нужно отдельное место. Я хотел бы только еще раз подчеркнуть, что я прекрасно понимаю сложность взаимодействия всех уровней, начиная с физиологического и кончая государственным и не хочу создавать впечатления примитивной причинной связи между наследственностью (физиологией) и высокой государственной политикой. Однако, я решительно против интеллектуальных конструкций человеческого поведения, выяснения причинных интеллектуальных источников индивидуального поведения, “правды” и “неправды” индивидуального поведения, “морального” и “аморального” в поведении конкретного человека. Что касается “морального” и “аморального”, то поскольку это - социальные конструкции, то рассматриваемое поведение с этой точки зрения безусловно имеет социальные последствия и это нельзя игнорировать при анализе социального поведения и поведения самого общества. Но “моральное”-“аморальное” поведение для объяснения индивида, на мой взгляд, бессмысленно. Оно находится совершенно в другой сфере и научному анализу не подлежит.

Вместо построения интеллектуальных конструкций я хочу призвать социологов опираться на эмпирические данные, обращать больше внимания, активно искать паттерны взаимодействия людей между собой и паттерны взаимодействия людей с социальными институтами. Иногда эти взаимодействия очевидны, но чаще всего они очень тонки и ускользают от нашего внимания. Приведу самоочевидный пример. Во многих интервью обсуждается вопрос эмиграции, даются всякого рода мотивации и обсуждается их правда и неправда, моральность или аморальность такого действия. Но вот, что сказал мне П. Буторин, когда он посмотрел некоторые из этих интервью: “уезжали, потому что создалась благоприятная ситуация и люди просто ею пользовались. И не надо ничего придумывать.” Я полностью согласен с ним. Мы имеем взаимодействие между индивидом и государством: опыт активного индивида подсказывает, что он найдет лучшую жизнь вне страны. Значит надо уезжать. (Построение объяснений и мотиваций здесь вторично.) И второе: многие уже уехали и всё хорошо с ними. Так “зараза” овладевает умами многих людей, и они уезжают, даже если они сначала этого не хотели. Ситуация, на мой взгляд простая, но она забалтывается разными сложными конструкциями. Человеку просто нужно объяснить свое поведение себе и другим.

Без понимания сложных и тонких взаимодействий, однако, эмпирические данные мало что дают. Это особенно очевидно при всякого рода опросах населения, которыми очень увлекаются социологи. Здесь мы видим картину примитивизации выявленного настроения людей. Забывается при этом, что мнения и настроения людей намеренно формируются десятками разных социальных институтов. И этими настроениями, мнениями, манипулируют эти самые институты для своей собственной выгоды. Вот пример такой, на мой взгляд, примитивизации. В одной из работ В.Магуна и М. Руднева (Жизненные ценности российского населения, 2008 год) утверждается, что ценности в разных странах СНГ похожи. Ну и что? Как они могут быть непохожи, имея ввиду долгую общую историю и похожесть нынешних социальных, экономических и политических институтов? Что дает нам такая эмпирическая работа? Не говоря уже ничего о том, что понятие ценности само по себе очень непонятная конструкция. Говорят, что она управляет поведением людей, а на мой взгляд, люди просто объясняют свое поведение ценностями, принятыми в их окружении, поступают согласно своей выгоде в данный момент. Во

всяком случае, социолог должен видеть сложное взаимодействие между личными интересами (и соответственно поведением) и ценностями (или моралью). Должен видеть и исследовать, как эти ценности формируются институтами, как ими манипулируют институты. Именно в этом контексте надо рассматривать, я считаю, интервью, в которых обсуждается отъезд некоторых социологов за границу. Подобного рода примитивизацию можно найти во многих социологических исследованиях до и после указанной статьи. Подобного рода коллекции ценностей, размещенных в разные ящички я встречал и десятилетиями раньше. Мышление и подход к исследованию никак не изменились. И это печально.

Я хотел бы также напомнить, говоря о коллекционировании ящичков, что исследование должно преследовать определенную цель (политическую, идеологическую, или чисто утилитарную). Тогда оно получает четкую методологию. Без этой практической цели, мы возвращаемся на сто лет назад, когда мы искали какую-то истину. В настоящий момент всеобщей манипуляции всех всеми это как-то наивно, с моей точки зрения.

Подводя итог всему сказанному, я хочу сделать еще раз ударение на том, что интервью должны служить в качестве начального эмпирического материала для нахождения паттернов, которые следует привязывать к другим паттернам поведения или к динамике социальных и других институтов. Все наши исследования в конечном счете являются нашими конструкциями, но строить интеллектуальные конструкции в отношении индивидуального поведения это, на мой взгляд, бессмысленная затея. Конструкции в отношении общества (что мы называем “социальными исследованиями”) выполняют полезную функцию идеологической и политической борьбы и потому они имеют смысл. Они становятся неотъемлемой частью социальной ткани общества.

**

Отметина 59. А. Алексеев – Л. Борусяк, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину, Б. Фирсову, Б. Вульфовичу

7.08.2011

...Другая новая информация.

До сих пор, мы, как принято говорить, «варились в собственном соку»: методологию биографических интервью и проч. обсуждали те, кто сам активно использует биографический метод, скажем так, являются его приверженцами (что вовсе не то же самое, что и «поклонник» или «апологет»). Но вот мы сумели спровоцировать критику «со стороны», причем достаточно жесткую (социологи Шляпентох, Беляев...).

А вот и еще критика – уж совсем «со стороны»: от специалиста по мореходной астрономии, впрочем, автора замечательной автобиографической книги. (Ее фрагмент см. в Интернете: http://www.leningradpobeda.ru/livearchive/diaries/item_239/)

Приведу здесь, с согласия автора, его письмо, адресованное Борису Докторову, примерно неделю назад.

**

IX. И снова критика. Взгляд проницательного дилетанта

Отметина 60. Борис Вульфович – Б. Докторову

9.08.2011

Боренька, посылаю тебе некоторые соображения по поводу статей Шляпентоха и Шалина. Сначала о стиле этих работ. У первого - ясный и чёткий русский язык с минимумом узких спецтерминов. Второй выражается порой совершенно невозможно. Пример: "... реконструировать нарративную идентичность с минимальным когнитивным диссонансом...". Кроме пародийно звучащего нагромождения терминов иностранного происхождения, тут, по-моему, ещё и просто нелепица: Narrator - это рассказчик о ком или о чём-то. А Шалин имел в виду "респондентскую реальность", т. е. сказанную интервьюеру о самом себе. И ещё: зачем говорить "герменевтика" вместо эквивалентов - "разъяснение", "толкование" (текстов); "незафреймованная" вместо "неограниченная никакими рамками". И. т. д.

А теперь по существу. Как в еврейском анекдоте: "и ты, Хаим, прав, и ты, Шмуля, прав". Оба профессора правы, ибо один пишет не совсем о том же, о чём другой. Я полностью согласен со Шляпентохом, что строить серьёзное исследование истории социологии (и любой другой науки) на основе интервью неправомерно. И не только потому, что респондент может умышленно солгать по фактологии и/или по оценкам, но и по другим причинам, Например, как и в обычных опросах общественного мнения, тут многое зависит от тонкостей и направленности формулировок вопросов, которые задаёт интервьюер респонденту. Второе - мера ответственности респондента, знающего, что его ответы могут отразиться на материалах по истории социологии. А тут возможны и умолчания по фактам, и искажения оценок, когда сегодняшнее мнение выдаётся за стародавнее. Во всём этом Шляпентох, по-моему, абсолютно прав. Все ответы по фактологии должны перекрёстно проверяться, а что касается мнений, то респондента надо особо просить отвечать вопросы о процессе их трансформации "во времени и в месте". Но как вспомогательная работа для воссоздания истории социологии, - это огромный труд проф. Докторовой (и Шалина и Фирсова). Проведение ими 150 интервью с ведущими социологами России заслуживает самой высокой оценки и уважения.

Проф. Шалин, если вчитаться в его обширный текст, в целом солидарен с проф. Шляпентохом о необходимости тщательной проверки ответов, особенно фактической их стороны. Большая часть его материала составляют воспроизведения ответов по фактам и самооценкам конкретных социологов, в основном, по мотивам их (не)эмиграции и по поведению в рамках контроля КГБ и КПСС. Тут каждый вёл себя по-разному, исходя из семейных обстоятельств или же связанных с местом работы и/или квалификационных дел.

И последнее. Каждый из 150 респондентов несёт большую ответственность перед историей этой драматической (как и генетика!) науки и перед своими коллегами. А я за свои мемуары (блокадника и простого преподавателя провинциальной мореходки) перед историей ответственности не несу, они написаны лишь для детей-внуков, близких приятелей, однокашников и коллег. Поэтому я мог себе позволить писать о фактах и их оценках, не боясь никого и ничего. И именно поэтому мои замечания о статьях двух известных профессоров-социологов носят дилетантский характер. Что и надо иметь в виду.

**

Отметина 61. А. Алексеев – Л. Борусьяк, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, Д. Шалину, Б. Фирсову, Б. Вульфовичу

15.08.2011

Кто такой Б. В.? Приведу биографическую справку из его недавно вышедшей книги «Это было вчера...» (Мурманск: Север, 2011):

«**Вульфович Борис Аркадьевич**, 1929 г.р., житель блокадного Ленинграда, затем - воспитанник детских домов. Закончил Ленинградское Высшее Инженерное Морское Училище им. адм. С. О. Макарова. Четыре года плавал в Восточном секторе Арктики. В Мурманском Государственном Техническом Университете (МГТУ) работает около 50 лет (*теперь уже – ровно 50 лет. – А. А.*), из них 18 лет заведовал кафедрой высшей математики. Поставил курсы теории поля, теории функций комплексного переменного, курс обработки навигационных измерений. Разработал методы астрономических наблюдений в тропиках по большим высотам Солнца, теорию изображений изостадий на меркаторской проекции эллипсоида, обосновал общую теорию навигационных изолиний на сфере и эллипсоиде. На кафедре судовождения работает с 1989 года. Подготовил пособия и методику ведения курса лекций по мореходной астрономии на английском языке. Доктор технических наук, профессор, действительный член Академии транспорта РФ, заслуженный работник рыбного хозяйства РФ, почётный профессор МГТУ. Автор более 100 публикаций, в том числе 4-х книг и 3-х фундаментальных англо-русских словарей по навигации, математике и английским глагольным оборотам.

Женат, имеет двух детей и четырёх внуков».

Итак, круг участников нашей дискуссии прирастает новыми уважаемыми и симпатичными людьми.

Прилагаю к этому письму кумулятивный файл всей предшествующей нашей групповой переписки-дискуссии, начиная с середины июля 2011 г. Возможно, не у всех предшествующий такой файл «близко лежит».

Ваш – Андрей Алексеев.

Х. Биографический метод - не только у социологов

Отметина 62. В. Шляпентох – Б. Докторову

21.08.2011

(Пересылаю) новый комментарий к записи "Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?" в Шляпентох's блог. В. Ш

Отметина... О. Маховская – В. Шляпентоху

21.08.2011

Спасибо, Владимир, за статью и взгляд, который стоит обсудить не только в связи с проектом Дмитрия, который проделал важную работу по сбору свидетельств, интересных не своей объективностью, а своей уникальностью.

Вы правы, говоря об искажениях. Я собирала истории жизни иммигрантов последней волны во Франции и США, и выход видела в интенсификации данных, постоянной триангуляции (данные верны, если как минимум ТРИ источника их

подтверждают). Но этот метод отфильтрованного снежного кома работает, если в доступе сотни респондентов. У Дмитрия не было такой возможности.

Помимо социальной психологии, которая все-таки больше интересуется интересами и мотивами групп, есть еще область общей психологии - психологии памяти - которая занимается закономерными искажениями информации. Я проводила исследования динамики образов значимых событий, в которых люди принимали участие, и могу сказать, что искажения возникают с самого начала, память даже не получает значительной доли информации, если она противоречит положительному образу "Я" респондента. Все, что делает его незащищенным, ставит под сомнение его репутацию, закрывает перспективу стирается, или запоминается как попало.

Закономерностей много. Никак не опубликую эти данные. Но я - только последователь Харьковской школы психологии (где работал и Выготский), а моим руководителем был А. Н. Лактионов, который первый обратил мое внимание на эту сторону субъективной жизни человека.

Спасибо еще раз.

Ольга Маховская,
психолог, канд. наук, Москва

**

Отметина 63. Б. Докторов – В. Шляпентоху, О. Маховской. Копии - А. Алексееву, Д. Шалину

21.08.2011

Володя, спасибо за пересылку интересного материала.

Дорогая Ольга, сказанное вами позволяет предположить, что у нас могут развиваться глубокие деловые связи... Помимо известных вам материалов Владимира Шляпентоха и сайта "[Международная биографическая инициатива](#)", на котором выложено множество биографий, могу вам посоветовать прочесть дискуссию, которая у нас еще не полностью завершена (материал приложен)... Если Вы в ближайшее время сможете что-либо добавить, прокомментировать, будет прекрасно.. мы и ваше мнение включим в финальный текст..

С уважением, Борис Докторов

**

Отметина 64. О. Маховская – Б. Докторову

21.08.2011

Дорогой Борис,

спасибо за приглашение. Я с огромным интересом читаю дискуссию и поделюсь соображениями.

Хотя по публикациям и переписке я знаю некоторых участников, впрочем, все они, как один, известны и у нас, и зарубежом, и по выступлениям на радио "Свобода", которое исторически интересуется социологией.

Я служу в Институте психологии РАН, и занималась социальной психологией науки в рамках Проекта "Велихов- Гамбург", в конце 80-х - начале 90-х прошлого века он был посвящен включению российских ученых гуманитариев в международную телекоммуникацию. Высший наиболее статусный эшелон ученых оказался

самым "необучаемым", я бы сказала, агрессивным и произвольным в своих интерпретациях. Эти данные были опубликованы, хоть и с опозданием, но всего в 3-4 года. И с тех пор, наука не очень интересовала меня как объект. Но истории жизни (recits de vie) - да, немного. Поэтому мой вклад в дискуссию будет скромным.

Повод у меня совсем ненаучный. Я прочитала интервью Шалина с Рабботом, очень удивилась некоторым моментам, вернее улыбнулась. Видите ли, психологии более снисходительная к любым человеческим слабостям наука, более того, именно ими она и дорожит. У меня были очень теплые уважительные отношения с И. Коном, который показал нам пример высокой субъективности, назовем это страстностью.

Я понимаю, о чем говорил проф. Шляпентох. Но я также понимаю, почему он это говорил, или могу предположить. Ведь и он был участником событий.

<...> Произвольность заложена в структуру жанра мемуаристики. Если бы не было мемуаров, мы бы потеряли огромный слой культуры и коллективной памяти, реинтерпретировать который будут и после, было бы что.

Ну и, наконец, я не встретила ни одного ученого с амбициями, особенно мужчины, который не любил бы несколько преувеличить свою роль в истории, в том числе и истории науки. Потому что наши достижения отстают от признания и принятия, в котором мы нуждаемся. <...>

С безусловным уважением - Ольга Маховская

**

Отметина 65. О. Маховская – Б. Докторову, В. Шляпентоху. Копии - Д. Шалину, А. Алексееву

22.08.2011

Дорогие Владимир и Борис,

Поскольку вы меня пригласили, то и отвечаю я именно вам, в частной переписке, а не уважаемому сообществу, «незримому колледжу», рассчитывая на модерирование. (Кстати, почему незримый, а не виртуальный? Когда есть Skype, трудно оставаться «бойцом невидимого фронта», анонимом). По существенным формальным признакам, я не попадаю в число участников дискуссии уже потому хотя бы, что не являюсь ни социологом, ни историком науки.

Как психолог, очевидно, я склонна считать проблему субъективности, личной ангажированности в изложении научных биографий более серьезной, драматичной и даже болезненной, чем мне и самой хотелось бы.

Но с интересом и завистью я просмотрела присланные вами материалы рано утром. И решуь оставить несколько тезисов на полях, вернее, вне поля обсуждений, соображений со стороны.

1. Прежде всего, ценна сама дискуссия. В начале развития научной телекоммуникации в России и до сих пор, русскоязычная научная телеконференция большая редкость и радость. Противоречие между нормами научного обсуждения в бывшем СССР (ритуализированного, фатического, по Б. Малиновскому) и принятых на Западе (свободных от групповых ожиданий) было, и, увы, остается одной из причин инертности при включении наших исследователей в телеконференции (см. Маховская О. Российские ученые и Интернет // Pro et Contra, 2000, Осень. С. 128-143, есть в сети, или в монографии: Маховская О. Коммуникативный опыт личности // Москва: ИП РАН, 2010). Если рассматривать телеконференцию как форму институализации научного сообщества, способ обмена идеями, информацией и мнениями, то ваша дискуссия – это огромный прогресс, тренд, который отсюда по-прежнему не кажется обыденной научной

практикой. Сетевая активность ученых – один из показателей их продуктивности, что бы они не говорили потом в своих биографических интервью.

2. Проведение биографических интервью – это уже сам по себе важный метод объективации данных. Но для биографических интервью важна позиция интервьюера, его дистанция по отношению к респондентам, и, как следствие, изначальная гипотеза, фрейм для сбора и интерпретации данных. Во многом эта позиция в вашем случае определяется личной биографией самого исследователя, который принадлежит к изучаемому им же сообществу. Если бы психотерапевт проводил сеанс для группы коллег, боюсь, он быстро бы вызвал агрессию, и был под разными предлогами дисквалифицирован (ирон.) Это основная проблема исследования, которая может исказить данные.

3. Если изначальная позиция интуитивна, то ее нужно постараться максимально актуализировать, иначе стороннему исследователю не ясно, почему задавались те или иные вопросы, что интересовало, и что проверял исследователь. Что изучается: история идей, событий, школ, персоналий? Или скрытых мифов, которые прорываются в личных биографиях ученых? Например, «я был либералом задолго до перестройки, всеми силами сопротивлялся советскому режиму, всегда и везде неся знамя высокой научности». Это из мифов. Позиция исследователя могла быть обозначена, например, так: «История социологии – это, в частности, история представлений социологов разных поколений о становлении институтов, практик, идей и школ социологии, из которых самыми важными я считаю следующие...»

4. Определение «биокритическое интервью», по сути, очень точное, ясное. Но звучит на сегодняшний слух немножко странно, как «биологическое интервью» («биодобавки», «биосфера», «биотуалеты» (ирон.)). Лучше уж критико-биографическое. Вопрос, в какой мере эта критика возможна, когда тебе потом с респондентом и его товарищами по жизни рядом идти? Или позиция исследователя провокационная, и критика – как прием стимулировать воспоминания и рассуждения респондентов? Или критичность – как свойство любого научного ума, с той и другой стороны («Умные люди знают, о чем идет речь, умные люди договорятся»). Или это скепсис по отношению к прошлым событиям и теориям, масштаб которых кажется мизерным по сравнению с развитием социологии на Западе? Или за этой «критичностью» - комплекс благодарности времени и людям, голоса которых хочется сохранить в максимальной первозданности, потому что они уходят? Замечу, что костяк исследователей, членов «незримого колледжа» – это выехавшие на Запад, и по своим практикам, западные исследователи. И это тоже позиция, которую следовало бы четко обозначить в финальном анализе. Если мы только говорим о конкретно-историческом анализе, а не о новых идеологиях. Романтическая установка на идеальную, абсолютно объективную социальную науку хороша для первокурсников. Зрелый человек, сталкиваясь с биографиями, не может не вздохнуть: история и биографии драматичны.

5. Достоверность данных, их ограничения определяются текущей позицией и самого респондента. На этапе анализа огромного пула интервью можно делить ученых не только по поколениям (если только межпоколенческий анализ не принципиален для вас), но и по: функциям в научном сообществе (организатор, функционер, креатор, маргинал, лидер, компилятор и т.д.), по продуктивности (публикации, теории, школы), статусу (в терминах советской иерархии или западной научной карьеры). Экспертная оценка здесь была бы уместна. Зависимости тут могут быть парадоксальными. Например, чем выше статус, тем больше респондент тратит времени и аргументов на обоснование и оправдание своего взгляда на события, которые прямо подтверждают его статус. Молодые отличаются большей произвольностью и экспансивностью, меньшей связностью в изложении. Важна также оценка перспектив развития науки ученым, хотя бы по шкале «оптимизм-пессимизм». И оптимисты, и пессимисты будут излагать разные аргументы, вспоминать разные события, обосновывая свою интуицию.

6. Валидизация текстов самих интервью может проходить с помощью вербальных маркеров «лжи». Правдивость биографий никогда не бывает стопроцентной. Каждое новое, не упоминавшееся никем событие или факт следует подвергать триангуляции или хотя бы дубликации. Если 2-3 респондента не подтвердят, свидетельство считается маловероятным, анекдотом, эксцессом. Биографическое интервью используют и как метод психотерапии, и специалист такого профиля, как правило, готов, к ложным воспоминаниям, и характерным забываниям (вытеснениям). Свойства самой памяти вносят существенные искажения в последующие воспоминания. А если интервьюер связан личными отношениями сотрудничества или дружбы со своими респондентами, то степень искажения резко нарастает. Такой фактор как «симпатия-антипатия» перекашивают сведения в пользу «симпатичных» событий и людей. Он настолько силен, что не зависит от воли участников, их IQ. В таком случае история сообщества – это действительно результат договора между ключевыми или титульными фигурами, а проведение исследования только интенсифицирует и камуфлирует этот процесс - процесс формирования новой групповой идентичности и реформирования старой. По своему количеству и связности, референтное научное сообщество - это все-таки группа, в терминах социальной психологии. Его, кстати, можно исследовать методами социометрии.

Спасибо за открытость, дружелюбие, внимание, искренне желаю удач,
Ольга Маховская

**

Отметина 66. А. Алексеев – О. Маховской, Б. Докторову, В. Шляпентоху, Д. Шалину

22.08.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

В качестве «протоколиста» (секретаря) нашего *виртуального колледжа* (удачная поправка О. М.), я собрал вместе все присланное мне Борисом и посылаю вам, как проект очередного вложения в нашу групповую переписку (дискуссию).

Я не вижу необходимости в какой-либо «модерации» и практически не убавил ни слова в личных, по существу, письмах, которые вполне могут получить ретиальный (сетевой) адрес.

Так что слово, в основном, за Ольгой: не захочет ли она сама навести какую-нибудь «автоцензуру». И тогда я разошлю - уже всем - очередной кумулятивный файл.

Я поздравляю нас всех с новым расширением круга и приращением профессионального и человеческого «капитала». Искренне рад тому, что Ольга нас нашла (мы ее нашли).

Ваш – Андрей Алексеев, СПб.

**

Отметина 67. О. Маховская – А. Алексееву

22.08.2011

Дорогой Андрей, спасибо за приветствие. <...>

Я так понимаю, вы друг друга знаете, понимаете, и уже давно в одном поле обсуждений.

Из своего поста я бы убрала личные мотивы <...> (*убрано. – А. А.*). А все остальное пусть сохранится для истории. <...>

Ваша Ольга Маховская

**

XI. Колледж - виртуальный? Нет, реальный!

Отметина 68. А. Алексеев – Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху, Д. Шалину

22.08.2011

Уважаемые коллеги!

Рассылаю очередное (до)пополнение нашей групповой переписки на тему о «незримом» (виртуальном) колледже и биографических интервью. Чуть погода пришло и дополненный кумулятивный (сводный файл).

Пользуюсь случаем выразить согласие со всеми основными положениями эссе Ольги Маховской. Между прочим, лишнее свидетельство *междисциплинарности* волнующих нас проблем. И наверняка в психологии (да и в других гуманитарных дисциплинах) наработано на эти темы не меньше, чем в социологии..

Будем учиться друг у друга.

Мне кажется, справедливо и терминологическое замечание О. М. насчет *биокритического* метода (подхода и т. п.). Кстати, *biocritical* вполне может иметь своим русским переводом *критико-биографический*.

Что, кстати, не отменяет собственно *биографический метод* и т. д. В данном же случае, речь идет о особом рода интерпретативной, герменевтической надстройке над (авто)биографическим дискурсом, как таковым. Ну, как если бы древние тексты и комментарий к ним. Устраивает «метафора»?

Еще несколько дней остается до размещения нашей дискуссии на сайте ["Международная биографическая инициатива"](#). Кто хочет что добавить, поддержать или оспорить, высказаться – пожалуйста.

Андрей Алексеев, социолог-протоколист.

**

Отметина 69. Б. Докторов – А. Алексееву. Копия – Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху, Д. Шалину

22.08.2011

Андрей, прекрасная идея все собрать и разместить..

Давайждемся мнения Димы по поводу «биокритического» и «критико-биографического».. хотя я привык к первому... в нем акцент на «критическое» в смысле

– аналитическое, взвешенное, рациональное... во-втором – «критическое» в смысле окрашенности биографического... хотя термин «критико-биографический», действительно, дает «освобождение» от «био(лого)-критического»..

...По поводу «виртуального» и «незримого».. если вспомнить классику, то незримый колледж – это дисперсная форма сотрудничества ученых.. скажем, в 18-м веке переписка между учеными (тогда учеными были только естествоиспытатели, математики, астрономы) была делом обычным... Но что-то я не припомню термина эпистолярный колледж.. «виртуальный», в понимании Ольги, тем хорош, что подчеркивает присутствие нашего общения в «сети».. но, мне кажется», что слово «виртуальный» в современном русском языке часто используется как противопоставление реальному... реальный мир и виртуальный мир...

Может, Наташа выскажется?

Боря

**

Отметина 70. О. Маховская – Б. Докторову. Копия – А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, В. Шляпентоху, Д. Шалину

22.08.2011

Борис,

я с пониманием и уважением отношусь к поэтической привязанности автора к своему термину, верю в авторскую органику и свято блюду авторское право. Давайте ничего не менять. Мои соображения - только рефлексы к уже готовым концептам. Оба мне очень нравятся. И, право, я не готова реформировать дискуссию с такой скоростью. Лучше я с наслаждением понаблюдаю, поучусь. А то - как костоправ в отделении микрохирургии глаза.

Ваша ОМ

**

Отметина 71. А. Алексеев - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху, Д. Шалину

22.08.2011

Солидарен с Ольгой, и особо ценю ее деликатность. А. А.

**

Отметина 72. Д. Шалин - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху

22.08.2011

Всем привет из Лас-Вегаса.

Сейчас в нашем городе проходит ежегодный конгресс Американской Социологической Ассоциации <...> и мне приходится мотаться с одной сессии на другую. Через пару дней съезд закончится, и я попробую что-то написать.

Жму руку и обнимаю, Дмитрий

**

Отметина 73. Б. Докторов - Д. Шалину. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху

22.08.2011

Дима, успехов тебе.. у нас ничего не горит.. потом прокомментируешь... в свете решений АСА... наилучшего, Боря

**

Отметина 74. Н. Мазлумянова – Б. Докторову. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, О. Маховской, В. Шляпентоху

22.08.2011

Боря, мне тоже кажется, что "незримый" лучше. Слово "виртуальный" имеет излишние, дополнительные коннотации.

Главное "лишнее" - то, что "виртуальный" противопоставлен "реальному". "Незримый колледж" существует в реальности, а "виртуальный" - скорее "воображаемый", "представляемый". "Незримый колледж" - давно известный, устоявшийся термин и выражает именно то, что нам надо. Н.М.

**

Отметина 75. Б. Докторов - Н. Мазлумяновой. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, О. Маховской, Д. Шалину. В. Шляпентоху

22.08.2011

Конечно, мы-то реальные.. с другой стороны, и Ольга права: «кого нет в Интернете, того нет (вообще)»

**

Отметина 76. Н. Мазлумянова – Б. Докторову. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, О. Маховской, В. Шляпентоху

23.08.2011

Еще одно, на мой взгляд, существенное дополнение. "Незримый колледж" - устоявшийся термин, а одним из основных свойств терминов является однозначность. Их значение всегда одно и то же и всеми понимается одинаково. А любое из придуманных сейчас словосочетаний однозначно определится нескоро, и никто не мешает "виртуальный колледж" понимать как, скажем, учебное заведение в Интернете. Я утрирую, конечно, но где-то так. Н.М.

**

Отметина 77. А. Алексеев - Н. Мазлумяновой. Копия - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, О. Маховской, В. Шляпентоху.

23.08.2011

Согласен с Вами, Наташа. Вообще, термин – как растение. Ему надо долго прорасти в социокультурной среде и укорениться на профессиональной почве. АА

**

Отметина 78. В. Шляпентох – О. Маховской. Копия – Б. Докторову, А. Алексееву

22.08.2011

Дорогая Оля,
я совершенно потрясен Вашим анализом, Вы настоящий маэстро! Ваша эрудиция в сочетании с Вашей доброжелательностью произвели на меня сильное впечатление. Вы точно отметили как много переменных необходимо учитывать при изучении биографий, как впрочем любых других источников. А их число является для меня одним из важнейших индикаторов профессионализма - и для социолога, и для психолога, и для всех других исследователей.

Между прочим, я знал Андрея Брушлинского (он был друг моей близкой подруги). Был бы рад быть с Вами в контакте. Ваш Володя

**

Отметина 79. О. Маховская – В. Шляпентоху. Копия – Б. Докторову, А. Алексееву

23.08.2011

Спасибо, Володя,
за великодушие. Дело, конечно, не во мне, а в интервью. Я всего лишь по привычке разложила его на элементы речевого акта (субъект (позиция) – текст (взаимодействие)- субъект (позиция)). Его структура используется уже почти сто лет, со времен Р. Якобсона. Что такое интервью в жизни респондента, если не естественное коммуникативное событие? Перефразируя Ю. Лотмана, утверждавшего, что все есть текст, я бы сказала, что в случае интервью, для исследователей, текст – наше все. Все, что остается после проведения интервью любого жанра. Остальное нужно реконструировать. Личностные факторы взаимодействия филологи никогда не игнорировали, но обозначали произвольно. М. Бахтин с его теорией полифонии первый обозначил истинный масштаб космоса, который стоит за простым диалогом. Психологи только немного успели

поработать в этой традиции, те несколько лет, когда основатель и директор Института психологии Ломов, предложил «общение» рассматривать в качестве базовой категории.

Кстати, в современной коммуникации, так уж так повелось, не противопоставляют виртуальный и реальный миры. Виртуальный – заочный, измененный, рафинированный, но реальный. С моей точки зрения, опять-таки психологической, сетевое общение – это взаимодействие личностных проекций. Иногда прекрасных, идеальных, иногда неприятных, нарцисстических, абнормальных. Но все-таки реальных. Иначе мы и психику, очевидно иллюзорный мир, обозначим как фикцию. Как психолог, я с этим смириться не смогу! Социологу это нагромождение непонятных переменных, возможно, мешает.

Автобиографическое интервью – тема огромная. Во Франции ее разрабатывает Д. Берто и М. Бургоз. Их работы переведены Наташей Шматко, сотрудницей Института социологии РАН. Мартин Бургоз была моим супервайзером, когда я была на стипендии Дидро, давно. Мы с нею написали статью по историям жизней иммигрантов из России во Франции. Это был ценный опыт сотрудничества социолога и психолога, но нас объединяла качественная (а не количественная) парадигма. Там же с историями жизней иммигрантов из Африки работает звезда этнопсихологии Тоби Натан.

У психологов и социологов разный предмет исследования, или, как неоднократно говорится в дискуссии, цели исследования. Меня бы интересовала личность респондента со всеми детерминантами ее становления, история ее установок и взглядов. Если говорить про ученого-респондента – его амбиции, кругозор, уровень притязаний, уровень достижений, тактики продвижения, инициативность-пассивность, потенциал, стратегическое видение развития науки и т. д. Разговор о будущем науки лучше проявил бы прошлые установки, чем принудительная рефлексия и вынужденные воспоминания о былом. Методов тут так много, что не буду и начинать. Уже потому, что историка социологии интересуют научные события, групповые установки и поступки. В конце концов, история делается не в голове, мыслях, чувствах, а в действии, вернее, взаимодействии, в том числе и сетевом.

Володя, спасибо и за упоминание А. В. Брушлинского. Нам нынче очень не хватает его академизма. При всей своей теоретической направленности, он давал жить и делать все, чего хотелось. Сейчас другие времена. Трагедия произошла, когда я была в Сиэтле на Фулбрайте, и по тому, сколько сочувствий было получено от ученых-смежников, я, наверное, впервые ощутила масштаб его личности и, одновременно, масштаб научной солидарности. Серьезный урок.

Постараюсь следить за развитием дискуссии. Очень интересно, хотя и все более очевидно, что я скорее, как всякий маргинал в дискуссии, помогу только упрочить позиции мейнстрима

Ваша - ОМ

**

Отметина 80. А. Алексеев – О. Маховской. Копия – В. Шляпентоху, Б. Докторову

23.08.2011

Дорогая Ольга!

Если Вы не возражаете, я включаю это Ваше письмо в протокол общей дискуссии, как уже поступил с вчерашним откликом В. Шляпентоха.

А. А.

**

Отметина 81. О. Маховская – А. Алексееву

23.08.2011

Андрей, включайте,
много Вам работы, вот беда, что-то на меня накатило.

Скучаю по умному разговору. Ну и старая любовь к социологии. Мне казалась она грандиозной наукой, просторной и свободной, по сравнению с мраком психоаналитических сеансов. Хорошего дня, как говорят на Американщине.

Ваша ОМ

**

ХII. «Незримый колледж» вкалывает в три смены

Отметина 82. Б. Докторов – О. Маховский. Копия – А. Алексееву, В. Шляпентоху

23.08.2011

Ну вот.. хоть спать не ложись.. пока у меня была ночь, вы так далеко продвинулись.. надеюсь, Ольга, вы дали согласие на предложение Андрея Алексеева... все - в копилку.. и пишите, пишите.. согласен с Андреем и Володей в высокой оценке ваших сообщений... жду нового. Борис

**

Отметина 83. Б. Докторов – А. Алексееву

23.08.2011

Андрей, пока я спал, Лена (*Григорьева. – А. А.*) творила... что скажешь?
(*См. ниже. – А. А.*)

**

Отметина 84. А. Алексеев – Б. Докторову

23.08.2011

Ну, «незримый колледж» вкалывает в три смены. Замечательно. Я и не представлял, что это можно сделать так быстро и так качественно. Спасибо Лене. Теперь сам Бог велел издавать и на бумаге.

Посылаю, пока только Тебе, фрагмент групповой переписки, в котором представлены Ольга и Елена. А. А.

Р. S. Для памяти:
Борис Докторов. Биографические интервью с коллегами-социологами на сайте
Центра социального прогнозирования и маркетинга -
http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=118 (дизайн Елены Григорьевой)

**

Отметина 85. Отметина ... Б. Докторов – А. Алексеву

31.08.2011

Андрей, вот наши девушки.

Ольга Маховская - кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, закончила отделение психологии Харьковского госуниверситета им. Каразина, аспирантуру Института психологии РАН, была стипендиатом программ Дидро (Франция), Фулбрайт (США). Автор более сотни статей, трех монографий, многих научно-популярных статей и книг. Была директором по содержанию международного образовательного проекта "Улица Сезам в России". Область интересов: психология иммиграции, международная телекоммуникация, детские компьютерные и телевизионные проекты.

Елена Григорьева - закончила Московский институт электронного машиностроения (МИЭМ), сейчас он называется Московский институт электроники и математики по специальности "Вычислительные машины, системы и комплексы".

Всю жизнь работает по полученной специальности. Сейчас возглавляет ИТ центр Института социологии РАН. В ее обязанности входит ремонт компьютеров, но в действительности – это более широкий круг вопросов, связанных с информационными технологиями.

Со своими коллегами ею создано несколько сайтов, в т.ч. Института социологии и Центра социального прогнозирования и маркетинга. Принимала участие в разработке концепции электронных изданий. На этой базе издано несколько монографий (Горшков М., Шереги Ф. "Молодежь России. Второе издание". М.: Институт социологии РАН, 2010. 1 CD ROM; Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Жизненные траектории молодежи «10 лет спустя». Социологическое исследование – М.: Институт социологии РАН, 2010. CD ROM) и сборников, а также интерактивный учебник: Горшков М., Шереги Ф. Прикладная социология: методология и методы. Интерактивное учебное пособие. М.: Институт социологии РАН. 2011. 1 CD ROM.

**

Отметина 86. Б. Докторов – А. Алексеву, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О Маховской, Д. Шалину

1.09.2011

Приятно сообщить членам «незримого колледжа» еще об одной работе.. смотрите <http://fom.ru/> это – начало.. замах на два-три года

**

Отметина 87. А. Алексеев - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, В. Шляпентоху

1.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Уточню, что на [сайте ФОМ](#) сегодня появились сразу три крупных материала:

[Б. Докторов. Победит ли Барак Обама в 2012 году? Взгляд из февраля 2011 года](#)

[Б. Докторов. Два предсказания Кевина Маккалоу. Сменит ли Барака Обаму в Белом доме Рик Перри?](#)

[Б. Докторов. Прогнозирование итогов президентских выборов в США. К методологии "мягкого" и "жесткого" прогнозирования](#)

См. также: [Б. Докторов. Кто станет президентом США?](#)

[Проект Бориса Докторова](#)

Проект «Президентские выборы в США 2012 года» осуществляется Борисом Докторовым при поддержке Фонда Общественное Мнение.

Материалы отражают два главных исследовательских направления: анализ развития президентской кампании в США и рассмотрение опросных технологий, используемых ведущими американскими социологами.

Меня давно поражает и восхищает способность Бориса параллельно возделывать несколько разных полей, да еще на разных континентах. Человек-оркестр. АА.

**

Отметина 88. Б. Докторов – А. Алексееву. Копия - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, В. Шляпентоху

1.09.2011

Спасибо, Андрей, за популяризацию моей работы, за добрые слова... вообще подготовлено десять материалов, но не успевали все сделать к открытию... в ближайшее время сайт будет наполняться.

**

ХIII. Предварительные итоги. Продолжение следует

Отметина 89. Б. Докторов – всем участникам дискуссии

03.09.2011

Известное каждому из практики дружеских застолий выражение гласит: «Между первой и второй – промежуток небольшой». Наша дискуссия, хотя вопросы, обсуждавшиеся в ней, были очень непростыми и высказывавшиеся точки зрения зачастую были полярными, протекала как разговор людей, для которых взаимное общение представляет самостоятельный интерес. Каждый понимает, что сказанное им воспринимается собеседниками серьезно.

«Первая» и «вторая» - это уже состоявшаяся дискуссия и только начавшаяся. Первая протекала почти полтора месяца, с 15 июля по 25 августа 2011 года. Вторая – стартовала недавно, 29 августа. Но под «промежутком небольшим» я понимаю не полнедели, разделяющие эти разговоры, а именно данный текст, завершающий наше полуторамесячное «застолье» перед сменой блюд. Он будет коротким. Однако это не будут слова тамады (в нашей дискуссии нет модераторов), но лишь человека, произнесшего первый тост, т.е. простое завершение очередного круга «тостующих»...

Благодаря Андрею Алексееву, у нас есть сводный, хронологически упорядоченный Протокол – следую тому, что Андрей назвал себя протоколистом (Отметина № 63) – обмена письмами. Короткими и достаточно длинными, исходно – совсем неофициальными, затем, в частности, в силу расширения числа дискуссионных, - более академически-этикетными. Поскольку каждое вхождение в дискуссию – это некая особая

точка на траектории ее развития, постольку я решил назвать эти точки «отметинами». Даже если вводимый термин не очень удачен, он – новые, свежий, и все же – отражающий факт какого-то изменения ситуации, существовавшей до каждой отметины. Теперь при анализе нашей дискуссии мы можем называть номера соответствующих отметин. И их немало – ...

Содержание дискуссии структурировано на ... блоков.

Импульсом для обсуждений были два вопроса, обозначенные в первых двух блоках. Первый (Отметина 1): образуем ли мы – небольшая группа людей, давно работающих в области методологии и практики биографического метода, - «незримый колледж». Второй вопрос (Отметина 10) касался типологии используемых нами методов сбора и анализа биографической информации.

Как «заваривший» этот обмен мнениями, я вполне удовлетворен поисками ответа на указанные вопросы. Несмотря на некоторые различия в обозначении формы нашего научного сообщества, ясно одно – оно существует как добровольное объединение исследователей, уже выработавших широкий набор теоретических и эмпирических приемов работы с биографической информацией. И в этом плане мне было приятно читать слова «новенькой» Ольги Маховской «...ваша дискуссия – это огромный прогресс, тренд, который отсюда по-прежнему не кажется обыденной научной практикой. Сетевая активность ученых – один из показателей их продуктивности, что бы они не говорили потом в своих биографических интервью» (Отметина № 62).

Обсуждение тематики, заданной вторым вопросом, сначала велось в «узком» пространстве одной временной зоны, между Сан-Франциско и Лас-Вегасом. То было время ночи в Старом свете, и потому определенное время наша беседа называлась «Ночным разговором». В ходе его Дмитрий Шалин сформулировал, как мне кажется, перспективное широкое определение терминов, обозначающих его подход: «Биокритика, биокритическая герменевтика, биокритические исследования опираются на биокритическое интервью или биокритические беседы как инструмент познания. Можно найти специфику у каждого термина, но все они из одного семейства» (Отметина № 21).

Изучение высказываний, размещенных в следующих разделах Протокола интересно в двух отношениях. Прежде всего я имею в виду спектр излагаемых точек зрения на предмет обсуждений. И потом – в том, как происходило расширение поля дискуссии. Ведь исходные вопросы были достаточно конкретными, однако анализ «свободных» (без присутствия модератора) высказываний показывает, что ответы на них – в особенности применительно к теме «ночной беседы» - зависят не только от базовой конструкции вопросов, но от того контекста, в который сама дискуссия их поместила. Мне кажется это прекрасным следствием, иллюстрацией того, что высказывания делаются не просто «профи», но членами незримого колледжа, этос которого допускает, поощряет множественность интерпретации всего. И вопросов, и ответов, и контекста. Скажу несколько пафосно, но наша дискуссия может стать полигоном для изучения механизмов коллективного творчества.

По-моему, уже затихавшая дискуссия оказалась взорванной внесением в нее Андреем Алексеевым (отметина № 54) текста Владимира Шляпентоха «Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?» (Отметина № 55). Благодаря ряду суждений, высказанных Ларисой Козловой и Наташей Мазлумяновой, поле дискуссии оказалось подготовленным для «принятия» текста Шляпентоха, так что он (текст) быстро прижился на нем и дал всходы, т.е. перетянул на себя внимание собеседников. Базовая тематика, отчасти уже обсужденная, отошла в тень, и центральным стал вопрос доверия автобиографической информации, а если более широко – оправданности ее использования при изучении и описании истории советской/российской социологии.

Почти сорок лет назад я в высшей степени позитивно воспринял книгу Владимира Шляпентоха «Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях (1973 г.) и учился по ней, однако я считаю что доверять автобиографической информации – с разумным сомнением – надо. В противном случае наша история окажется «безлюдной» и несущей в себе лишь, то, что отражено в официальных документах и представлено в опубликованных книгах, статьях, рефератах. В моем понимании мы просто лишим себя прошлого. Вопрос о валидации автобиографической информации много сложнее, чем может казаться с первого взгляда. Назову два полюсных множества биографических суждений, утверждений: в принципе проверяемые (валидизируемые) и в принципе не проверяемые (не валидизируемые). При этом существенно то, что валидизация – это не акт, но процесс и, возможно, очень продолжительный. Он – дело, ответственность поколений историков, биографов.

Для меня критическое отношение Шляпентоха к изучению мотивов в биографических исследованиях (в социологии в целом) не ново, в наших дружеских телефонных беседах мы уже ряд лет касаемся этой темы. И хотя «лично я» в беседах с российскими социологами стараюсь избегать жестких вопросов о мотивации поступков, а при исследовании собранной информации крайне редко анализирую заявленные респондентами мотивы, я не могу согласиться с Владимиром в том, что все касающееся мотивов запретно для изучения социологами, что это абсолютно ненадежная информация. В такой постановке, фактически, отбрасывается уровень интерпретации данных, что несводимо к цитированию сказанного респондентом.

Многое зависит от характера историко-биографического анализа. Если формируется портрет отдельного ученого, то в работе биографа присутствует разная информация о нем. И одно дополняется другим. Мне не известны работы биографической направленности, построенные исключительно на изучении мотивов, но могу сказать, что наиболее глубокие научные биографии не обходятся без рассмотрения мотивов. В одних случаях, когда речь идет, скажем, о Леонардо да Винче, Галилео Галилее, Исааке Ньютоне, Наполеоне, мотивы зачастую предлагаются историками. В других, когда объектом биографического анализа оказываются ученые, жившие в недавнем прошлом, к примеру, Нильс Бор, Эрнест Резерфорд, Альберт Эйнштейн, основой информации о мотивах становятся письма ученых, записи бесед с ними их друзей, коллег, современников. Биография без мотивом не существует, она вырождается в хронологию.

Но следует помнить, что анализ мотиваций следует проводить не с позиции сегодняшнего дня, а погружаясь в то время, когда эти мотивации детерминировали деятельность, поступки конкретного человека.

При этом такие социально-психологические образования, как мотивы, ценности, могут быть объектом изучения, относящегося не только к индивиду, но и, к примеру, к поколению ученых. И здесь действуют иные интерпретационные схемы.

И в целом. Дискуссия оказалась плодотворной, так как...

...Но промежуток между первой и второй завершился... пора переходить к новой дискуссии, тем более, что и в ее пространстве есть место обсуждению уже рассмотренных тем.

**

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МВИ-Forum 2.1. “Биография и биокритика”, часть 1
http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html

МВІ-Forum 2.2. “Биография и биокритика”, часть 2

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.html